

НАТАЛЬЯ
ИСТЕРОВА

Лялька,
или Квартирный вопрос



Наталья Нестерова
Лялька, или Квартирный вопрос (сборник)
Серия «Совет да любовь. Проза
Натальи Нестеровой (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18113927
Лялька, или Квартирный вопрос : [сборник] / Наталья Нестерова: АСТ; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-095669-2

Аннотация

О чем мечтает каждая девушка? Конечно, о принце на белом коне, но вовсе не надеется встретить липового аристократа. И как узнать о своей промашке, когда все так прекрасно и бабочки порхают в животе? На это есть мама. Мама, которой для любимой дочери ничего не жалко и которая положила всю свою жизнь на ее воспитание. Но как этой маме не скатиться в анекдотический образ злой тещи? Как раскрыть глаза дочери, не потеряв ее?.. Но она же мама, которая найдет выход из любой ситуации, ведь все поправимо, когда этого хочешь.

Книга также выходила под названием «Неподходящий жених (сборник)».

Содержание

Папа шутит	5
Тихий ангел	12
Грезиятка	27
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Наталья Нестерова Лялька, или Квартирный вопрос (сборник)

© Н. Нестерова, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Папа шутит

Рассказ

– Теперь нарезать соленый огурец?

Будущая свекровь задрала брови:

– Как? В салат с крабовыми палочками – соленый огурец?

Точно я предложила нечто совершенно несусветное, вроде керосина в чай.

– В салат с крабовыми палочками идет только свежий огурец!

– Да, конечно. Забыла!

Я постаралась изобразить самую очаровательную из своих улыбок. И снова почувствовала себя растяпой и неумехой.

Это продолжается уже больше часа. Саша привел меня знакомиться с мамой, Елизаветой Григорьевной. Приняла она меня исключительно доброжелательно. Но я чувствую, что подвергаюсь череде маленьких экзаменов и проверок.

На экзаменах я никогда не умела достойно выглядеть. В институте, даже если знала материал на «отлично», мямлила и путалась, в лучшем случае получала «хорошо». А теперь на «тройку» с минусом отвечаю?

Хотя мы с Сашей опоздали к условленному времени, у Елизаветы Григорьевны обед не был готов. Наверное, специально, чтобы увидеть меня на поле боя, то есть на кухне.

Саша оставил нас одних, накрывает стол в комнате. Подозрительно долго отсутствует. Наверняка сел за компьютер. А я отдувайся! Или это маленькая месть за визит к моим родителям в прошлые выходные?

К моим мы тоже опоздали. Но у мамы уже ломился стол, а папа принял рюмочку-другую. Когда он в подпитии, то становится, мягко говоря, балагуром. «Бес в пьяного дурня вселяется», – считает моя мама.

– О! Александер! – воскликнул папа и потряс Саше руку. – Жених! Дочка, какой это у нас жених по счету?

Саша покраснел и поджал губы.

– Папа шутит, – сказала я.

– Принцесса! – Папа театрально прижал руки в груди и умилительно кривился. – Моя дочь – принцесса! – повернулся он к Саше. – Усекаешь, почему?

– Она прекрасна и красива, – ответил Саша и заработал улыбку благодарности от моей мамы.

– Не усекаешь, – продолжал паясничать папа. – Если она принцесса, то я кто?

– Насколько знаю, отец.

– Точнее!

– Мне неизвестно точнее.

– Если моя Маша принцесса, то я?.. – выдержал паузу отец и сообщил: – То я – король. Так и зови меня попросту – Король.

– Как скажете. Король Воробейчик – это звучит.

Наша фамилия Воробейчик. Мы с мамой прыснули. Нам понравилось, что Саша в пределах вежливости показывает нетрезвому папаше зубки. Если моему батюшке даль волю, он обсмеет вас с головы до ног. С ним долго не разговаривал муж его родной сестры, к которому папа прицепился на семейном торжестве: будто от дяди Коли странно пахнет. Весь вечер: «Коль, ты бы одеколоном пользовался! Коля, может, у тебя газы? Сестра, отведи мужа

к врачу, у него кишечник пропускает». Дядя Коля чуть не побил моего папу. Тетка и мама разнимали.

Такой он, мой родитель, в трезвом состоянии вполне культурный.

Во время обеда, после тоста за знакомство, под салаты и прочие закуски, папочка продолжил терзать Сашу.

– Принц Александер...

Это «Александер», я видела, корежило Сашу. Но заткнуть моего папу можно, только стукнув по голове и отправив в нокаут. С колеи, в которую его швырнуло хмельное сознание, не вытащишь. Сегодня его заклинило на сказочных мотивах, на принцессе, которую домогаются женихи.

– Положено отгадать три загадки. Отгадаешь – отдам тебе дочь.

– И полцарства в придачу? – пробормотал Саша.

Папа его не услышал, потребовал от меня:

– Загадывай!

– Не лает, не кусает, а в дом не пускает, – покорно выдохнула я и тихо пояснила Саше: – С ним лучше не спорить.

– Замок, – ответил Саша.

– Поддавки! – возмутился папа.

– Давайте, Сашенька, положу вам заливное рыбное, – предложила мама с извинительной улыбкой.

Мол, мы понимаем, как вам все это не нравится, но уж потерпите.

– Маня! Вторая загадка.

– Без окон, без дверей, полна горница людей.

Удивительно, но Саша не знал этой детской загадки. Посмотрел на меня растерянно:

– Интернет?

– Ох-хо-хо! – рассмеялся довольный папа. – Счет один один! Арбуз, он же огурец!

– Что? – насунился Саша, который не любил проигрывать. – Какой арбуз-огурец?

– Отгадка: арбуз или огурец, – с торжествующим видом заявил папа. – Семечки – фигурально люди. В тесноте да не в обиде. Выпьем за это. Маня! Третья загадка, решающая. Не посрамись, дочка, посложнее задай.

Ну, держись, папочка! Еще посмотрим, кто сообразительнее: ты или «Александер»!

– В подвале установлены три лампочки, а выключатели от них в комнате. Как за один поход в подвал определить, какая лампочка соответствует каждому из выключателей?

– Интересно, – оценил задачку Саша.

У папы забегали глаза, он явно не мог решить задачу.

Мама под видом перестановки блюд на столе повернулась ко мне и прошептала:

– Ты зачем головоломку выдала? За один поход в подвал никак нельзя определить!

– Спокойно! – так же тихо ответила я.

Саша покрутил задумчиво вилку в руках и через несколько секунд сказал:

– Готово. Вы, конечно, – обратился он к моему папе, – знаете правильный ответ?

– Так... это... само собой... как же, – заюлил папа. Но потом вскинулся: – Кто тут жених? Я или ты?

– Я жених, – спокойно согласился Саша. – Нужно повернуть один из выключателей и отправиться покурить.

– Зачем? – хором спросили папа и мама.

– Сейчас поясню. Итак, покурив, вернуть выключатель в исходное положение и повернуть другой. Затем спуститься в подвал. Потрогать лампочки. Та, что нагрелась, будет соответствовать первому выключателю. Та, что горит, – второму. Соответственно третьему выключателю – оставшаяся лампочка.

– Гениально! – закричал папа.

Мама с облегчением выдохнула и широко улыбнулась. Саша ей нравился.

– Отдаете мне дочь? – спросил Саша.

– Бери! – широким жестом позволил папа. – Надо выпить, сговорились.

– Принесу горячее, – поднялась мама. – Маняша, собери маленькие тарелки.

Мы с мамой переглянулись: рано! Рано папу отправлять на боковую, еще не взял норму. У него должен наступить момент, когда начинает икать, безостановочно и громко. Тут мама подхватывает его и провожает в спальню: «Дорогой, тебе надо полежать несколько минут, чтобы прошло. Отдохни до чая». «С коньячком!» – сквозь икание напоминает папа. До чая и коньяка, как правило, дело не доходит. Папа засыпает и храпит так, что у соседей внизу люстра раскачивается.

Пока отец не принялся икать, он успеет еще попортить кровь «Александеру» рассуждениями о «свадебке».

– Сколько вам нужно? – спрашивал щедрый спьяну папа. – Не поскуплюсь! Машину продам, кредит возьму!

– Отдайте лучше наличными, – усмехнулся Саша.

– Мы не собираемся устраивать пышную свадьбу, – сказала я.

– Что? – качнулся на стуле папа. – Моя дочь как залежалый товар шито-крыто распишется? Не будет на то нашего благословения! Грех родне и друзьям не представить женишка, который Интернет с арбузами путает.

Наконец наступила последняя стадия перед иканием – циклический повтор одного и того же. Папа что-нибудь рассказывает, мгновенно забывает и начинает историю заново.

Нынче после требования, чтобы мы с Сашей принялись немедленно рожать, плодились неукротимо, папа вспомнил, как я маленькой увидела беременную женщину. Спросила, почему тетя такая толстая. Мне объяснили, что внутри живота у нее ребеночек. Я подошла к женщине и спросила: «Тетя, зачем вы съели ребеночка?».

Рассказал папа один раз, все посмеялись. Папа еще выпил и «вспомнил»:

– Да! Вы с детьми не тяните. Маня, когда была маленькой, увидела беременную...

Мы дослушали и слабо улыбнулись. Папа икнул, тряхнул головой и погрозил нам пальцем:

– Внуков требую! Маняша как-то увидела беременную...

Никто не отреагировал. Папа стал икать чаще, мама изготавилась транспортировать его в спальню.

– Маня! – ик. – Ты, – ик, – не на сносях, – ик? Хорошо бы, – ик. – Ты, – ик, – когда была маленькой... – ик. – Увидела, – ик, – беременную, – ик...

Он доикал историю, от которой нас уже тошнило, и мама решительно потянула его из-за стола:

– Пойдем, мне нужно с тобой поговорить.

Мы слышали, как по пути в спальню она уговаривает его полежать. А папа требует коньяка к десерту.

– Он такой только пьяненький, – оправдывалась я перед Сашей. – Да и пьет не часто. Папа умный, добрый, молчаливый, но под градусом...

– Все понимаю, – обнял меня Саша, – не переживай!

Воскресным утром папе, терзаемому похмельем и провалами памяти, мама устроила разбор полетов.

– Ты что творил! Ты что нес! Папа шутит! Папа у нас шутник! Мы со стыда чуть не умерли, дочь едва не рыдала. Я думала, сквозь землю провалюсь. Мальчик первый раз

в дом пришел, а ты ему – Александер! Наплел про женихов бывших. Короля из себя корчил! Король Воробейчик!

– Что, так плохо все было? – робко спросил папа.

– Хуже не придумаешь! Зачем ты Сашу заставил загадки отгадывать?

– Про загадки смутно помню.

– Кстати, папочка, – вставила я свое слово, – ты обещал продать машину, взять кредит и подарить нам большую сумму денег.

– Да?! – пораженный папа схватился за больную голову. – Много обещал?

Мы еще некоторое время песочили его на два голоса, пока праведный гнев не улету-чился и не взяла верх жалость к больному и убитому стыдом папе. Он без наших требований дал слово не пить. После того случая, когда обвинил дядю Колю в вонючести, папа не брал в рот спиртного целый год.

Мы встречались с Сашей давно, вместе ездили в отпуск и пользовались квартирой приятеля, который часто уезжал в командировки. Знакомство с родителями было телефон-ным: «Здравствуйте, это Саша! Можно Марию к телефону?», «Добрый день, Елизавета Григорьевна! Могу я поговорить с Сашей?» Приятель вернулся, устроился на работу без коман-дировок. Мы решили пожениться и, конечно, не могли оставаться в подполье.

И вот теперь будущая свекровь тестирует меня на доблести хозяйки.

Улучив момент, я шепнула Саше:

– Катастрофа! Кажется, совершенно не нравлюсь твоей маме!

Когда сели за стол, Саша не нашел ничего лучшего, как заявить:

– Мама! А Маняша думает, что тебе не понравилась.

Я подавилась куском, закашлялась и метнула на Сашу гневный взгляд. Он похлопал меня по спине.

– Почему же? – спокойно ответила Елизавета Григорьевна. – Вы, Маша, на первый взгляд вполне симпатичная девушка.

И на том спасибо!

Светскую беседу на отвлеченные темы опускаю. Но у меня снова встал поперек горла кусочек крабовой палочки, когда Елизавета Григорьевна спросила:

– Надеюсь, жить вы собираетесь у нас? Места достаточно.

Я похолодела. Несколько раз сглотнула и испуганно смотрела на Сашу. Мы так не дого-варивались!

– Нет, мамочка! – ответил он и протянул мне стакан с водой. – Мы хотим снимать квартиру.

– Но тогда вам не удастся накопить на свое жилье!

– Как-нибудь выкрутимся.

Елизавета Григорьевна обиженно поджала губы:

– Не думаю, что я бы вас стеснила. А какие условия у ваших родителей, Маша?

– Двухкомнатная квартира. Они бы тоже нас с радостью приняли. Но мы мечтаем жить самостоятельно.

– Хозяин барин. Еще один вопрос, надеюсь, он не покажется вам неуместным. Я имею право знать. Когда вы планируете детей, Маша?

– Мы планируем, – промямлила я, – но не в ближайшее время.

– Иногда дети заводятся неожиданно, – строго сказала Елизавета Григорьевна, словно речь шла о тараканах. – Последствием аборта может стать абсолютное бесплодие. Вы, Маша, должны отдавать себе в этом отчет!

– Я отдаю, я понимаю, я не буду...

– Когда Маня была маленькой, – пришел на выручку Саша, – она увидела беременную женщину...

– О, нет! – тихо простонала я. – Ты еще икать начни!

Выслушав знаменитую историю из моего детства, Елизавета Григорьевна без тени улыбки резюмировала:

– Очень смешно.

И до конца вечера мы с ней изображали двух космонавтов, которых судьба забросила на орбитальную станцию. Младший космонавт из всех сил старался понравиться и потому смотрелся неумно, дурковато. Космонавт постарше видел-перевидел всяких летунов и не обольщался.

Только центр управления полетом, то есть Саша, чувствовал себя отлично, внутренне подтрунивая над нашими зажатостью и церемониями. Пытался развлекать, шутил, но юмор был нам недоступен, и над своими остротами Саша смеялся в одиночестве.

Когда попытка закончилась и Саша поехал меня провожать, я картинно смахнула пот со лба. Но сказала совершенно серьезно:

– Лучше пять экзаменов по математической физике, чем одно знакомство со свекровью.

– Хорошо, что ты это понимаешь, – Саша привычно обнял меня за талию. – У тебя будет только одна свекровь. И соответственно единственный муж на всю оставшуюся жизнь. Что касается моей мамы, то с ней все просто. Во-первых, она не пьет и не просит называть ее «ваше величество». Тихо! Тихо! – он сжал меня покрепче, потому что я дернулась. – Во-вторых, мама полюбит тебя неземной любовью, потому что обожает все, что нравится мне. Даже пыталась компьютерное программирование освоить, но быстро сломалась. В-третьих, с моей мамой надо соглашаться. Она советует, рекомендует, предлагает – ты соглашаешься, но поступаешь по-своему.

– Ты же не согласился, чтобы мы с ней жили, – напомнила я.

– Любой конформизм удобен, пока не доходит до абсурда, то есть своей противоположности. Мамина атака с аргументами за общее жилье еще впереди. Придется пообещать ей...

– Что?!

– Не перебивай. Поиски квартиры не отменяются. Скажем потом, что нашли вариант исключительно дешевый и выгодный.

Я остановилась как вкопанная, потому что по мозгам ударила очевидная мысль:

– И со мной будешь так? Двойная жизнь, мораль, политика? На словах одно, на деле – другое?

– Никогда! – со смешком и потому недостаточно искренне заверил Саша. – С тобой на деле будет по-другому. Сейчас малую толику этого дела продемонстрирую.

Он затащил меня в темную подворотню, где мы долго целовались, и я забыла о своих опасениях.

Родителей решили знакомить на нейтральной территории, в ресторане.

По тому, как тщательно были уложены волосы у мамы и у Елизаветы Григорьевны, по их новым, магазинно-свежим платьям можно было догадаться, что готовились серьезно. Папа, у которого к вечеру обычно вырастает темная щетина, был выбрит, закован в костюм, придавлен галстуком и белой рубашкой. Для родителей этот ужин – важное событие. Для меня и Саши – вынужденное мероприятие.

Смущение первых минут скрасило долгое выбирание блюд. Всем хотелось проявить щедрость и размах, но мешало осознание, что столько не съесть. Официант стоял около нашего столика и нетерпеливо постукивал карандашом по блокноту.

– Не вибрируйте, молодой человек! – велел ему Саша.

Все-таки мой муж, пока жених, станет большим человеком и начальником! Он умеет короткой фразой, взглядом, движением бровей навести порядок вещей и указать человеку на его место. Если он научится достойно проигрывать, не тушеваться, не бояться остаться в дураках, ему цены не будет! Я обязана ему в этом помочь. И как же мне повезло, что я встретила Сашу! Боженька, спасибо!

– Не пью, – накрыл папа рюмку ладонью, когда принесли спиртное.

– Давно? – спросил Саша.

– Как язва открылась, – выступила моя мама.

– Язва передается по наследству? – насторожилась Елизавета Григорьевна.

– Папина не передается, – успокоила я.

Застолье покатило мирно и культурно. Беседуя о политике, погоде, обсуждая телевизионные передачи и телеведущих, родители умудрялись исподволь выуживать необходимую информацию. Откуда родом, образование, профессии, наличие близко и далеко живущей родни, уровень материального достатка, наличие автотранспорта, дачных участков, долгов и приработков.

«Им бы дипломатами служить или разведчиками», – подумала я. Подмигнувшему мне Саше, похоже, пришла та же мысль. Мы часто ловим себя на одинаковых мнениях.

Испортил все Саша. Потом говорил мне, что из мужской солидарности уговорил папу выпить. На мой же взгляд, солидарность должна заключаться в том, чтобы не провоцировать непьющего человека. Играть на слабостях – подло! Мы даже поссорились. Полчаса, наверное, ссорились. Пока не помирились известным способом с помощью поцелуев.

Тогда, в ресторане, Саша призывал моего папу:

– Рюмку водки, а? Такое событие, помолвка, можно сказать. Язву продезинфицировать?

Под столом я изо всех сил стукнула каблуком Сашу по ступне. Он крикнул и убрал ногу, но уговоры продолжил. Мама испуганно округлила глаза, я заерзала на стуле. Нам обоим прекрасно известно, что папа не переносит насилия над его волей с нашей стороны. Если мы будем им командовать, то добьемся противоположного результата. Папа принимает только те ограничения, которые сам на себя взял, а наши с мамой воспринимает как шантаж.

Но тут мы забыли о мудрой семейной политике.

– Тебе нельзя! – строго заявила мама.

– Ты обещал! – напомнила я.

Папа посмотрел на нас, усмехнулся и обратился к Саше:

– Наливай!

Елизавета Григорьевна явно заподозрила, что мой папа – хронический алкоголик, чью пагубную страсть скрывают жена и дочь. Елизавете Григорьевне и досталось.

Через несколько минут папа за нее принялся:

– Значит, вы преподаете в школе детям великую русскую литературу? Тогда ответьте, любезный филолог! В названии романа «Война и мир» Лев Толстой какой мир имел в виду? Мир – как отсутствие войны или мир – как вселенную?

– Многозначность слова «мир», – покровительственно улыбнулась Елизавета Григорьевна, – придает названию этого великого эпоса особое значение.

– Точнее, какой все-таки «мир»?

Мой папа так просто не отстанет.

– Оба. Оба значения этого слова.

– Неверно! – громко обрадовался папа, и люди за соседними столиками повернули к нам головы.

– Ты хоть тише, – обреченно попросила мама.

– Ошибочка, «двойка»! – выставил папа оценку Елизавете Григорьевне.

– Почему же? – вспыхнула та. – Да, в девятнадцатом веке существовало два написания: «мир» через «і» с точкой и современное. Они действительно отличались по смыслу...

– Теплее, теплее, – кивнул папа, словно они в загадки играли, и Елизавета Григорьевна была близка к правильному ответу.

– Родную мать на растерзанье подсунул! – процедила я Саше.

– И поскольку осталось единственное написание, – продолжила Елизавета Григорьевна, – ваш вопрос не имеет смысла.

– Но Толстой-то как озаглавил? Выпьем за классика!

После того как выпили, мама попыталась сменить тему:

– Не хотите ли, Елизавета Григорьевна, в следующие выходные поехать с нами на дачу? Клубника поспела...

– Толстой отдельно, – папа не давал себя сбить, – клубника отдельно. Ну, филолог?

– В литературоведении эта проблема не освещена, – пошла на попятную Елизавета Григорьевна.

Я, забыв все приличия, схватила папу за галстук, притянула к своему лицу и отчетливо сказала:

– Или ты заткнешься, или я тебе не дочь!

– Почему же, Маша? – неожиданно стала на защиту моего батюшки Елизавета Григорьевна. – Мы обсуждаем интересный литературоведческий вопрос.

А папа понял, что я не шучу. Да и выпил он еще немного, до стадии циклических рассказов и икания еще не хватало пол-литра.

– Маняша, дочка! Я же ничего! Это Толстой написал через «і» с точкой, земной шар, а не отсутствие войны.

– Официант! Официант! – замахала, призывая, мама. – Пожалуйста, побыстрее, чаю, пирожных и...

– Коньяка! – добавил Саша.

Так мой папа впервые за многие застолья получил десерт с коньяком.

2008 г.

Тихий ангел

Рассказ

Дарья была не первой, у кого разошлись родители. Когда учились в пятом классе, отец Мишки Купцова сделал семье ручкой. Через два года мама Наташи Суворовой влюбилась в хирурга, который удалил ей бородавку, и ушла жить к бородавочнику. Мишка и Наташка очень переживали. У Мишки появился тик, дергался глаз и прозвище Моргалю приклеилось. Наташа закурила, яростно и много смолила – назло врачам и всему Минздраву, который предупреждает.

Они сидели на бульваре. Наташа, задрав голову, практиковалась в пускании колечек дыма. Мишка чертил прутиком на дорожке. У него эта привычка с детства. Даша помнила, как он рисовал кораблики и танки, а теперь его абстрактные художества сильно смахивали на женский торс.

– Мои предки разбежались, – сказала Даша максимально спокойным голосом. – Развод оформили.

– Добро пожаловать в клуб! – усмехнулся Мишка.

И насупился. Дарья знала: старается сдержать тик.

– Кто? – спросила Наташа. – Фазер или мазер соскочил?

– Фазер. Папочка полюбил другую женщину. А мамочка от благородства чуть не лопа-ется: ты должна понять чувства своего отца! – передразнила Даша. – Гады!

– Подонки! – согласился Мишка.

– Особенно врачи, – подтвердила Наташа.

– Как так можно? – Дарья шмыгнула носом, маскируя предательские слезы. – Как можно любить их безумно и одновременно ненавидеть?

Наташа и Мишка, прошедшие через горнило подобных испытаний, заверили: можно!

И еще сказали: сейчас больнее всего, потом легче станет, но полностью не пройдет никогда. Это как вирус в компьютере, для которого антивирусной программы не придумали и придумать невозможно. И жесткий диск, то есть предков, на свалку не выбросишь.

Наташа и Миша говорили без пафоса, сострадания, просто и жестоко, почти равнодушно, как и говорят подростки о проблемах, над которыми ночами слезы льют.

Родители Даши и папочкина новая жена, носившая сырное имя Виола, были людьми образованными, наслышанными про травму, которую наносит ребенку развод. Поэтому вели себя до тошнотворности оптимистично и деликатно. Неестественно предупреждали любое желание Даши, закрывали глаза на плохие оценки в школе, на Дашкины капризы. Их заискивание как нельзя лучше демонстрировало – в ее жизни случилась трагедия. Почти такая же страшная, как смерть ее старшего братика с условным именем Костя.

Братик родился за пять лет до Даши и прожил две недели, зарегистрировать его, получить свидетельство о рождении не успели. Умер ночью по причине СВСМ – синдрома внезапной смерти младенца. Это когда младенец засыпает вечером и больше не просыпается. Никто в мире не может раскрыть тайну СВСМ, хотя дети гибнут и гибнут.

О том, что у нее был братик, Даша узнала, когда ей было десять лет, и это произвело на нее громадное впечатление. Ее мучили кошмары ночью и дикие фантазии днем. Казалось, что этот Костя незримо присутствует в ее жизни, наблюдает, критикует, комментирует, упрекает за каждую мелкую провинность или ошибку и постоянно напоминает: ты-то жива, а я умер, где справедливость? Он представлялся вредным детиной, вроде старшеклассников,

которые врывались в раздевалку перед физкультурой, наровили мимоходом ущипнуть ниже спины или тискали в гардеробе. Сильные, здоровые и все как на подбор агрессоры.

Дарья приставала с расспросами к родителям: какой он был, мой братик? Но у мамы и папы по прошествии лет боль утраты притупилась, они редко вспоминали первенца, от которого даже фото не осталось. Зато смешно рассказывали, как все: две бабушки, два дедушки, папа и мама стерегли Дарью по ночам, чтобы не случился ужасный СВСМ. У них был скользящий график ночных дежурств, то есть кто-то постоянно сидел рядом с ее кроватью, не спал и караулил ее дыхание. Одна бабушка вязала на спицах, другая читала дамские романы, один дедушка разгадывал кроссворды, другой при свете слабой лампы корпел над служебными бумагами. Маму и папу от ночных дежурств освободили, потому что папе нужно было работать, а мама за день до изнеможения уматывалась. Но оба они, папа и мама, – в этом юмор – несколько раз за ночь вскакивали, не продрав глаза, неслись в детскую, проверять, дышит ли Дарья, не уснул ли караульщик.

Наверное, это были очень счастливые месяцы ее жизни. Но Даша их не помнит. Самое раннее из воспоминаний – полет к потолку, дыхание перехватывает, приземление в теплые папины руки. Он снова ее подбрасывает, полет, счастье, радость, визг – ах, я уже в мягких, надежных папиных ладонях. И еще из раннего – сознание абсолютной, волшебной маминой власти. Больно, упала, стукнулась – подует мама, и боль с коленки уходит. Ночью к ней прибежишь, потому что мертвый братик пригрезился, мама руками укутает, и становится благостно. Они спали на боку: Даша, мама, папа – обнявшись, уютно вписавшись друг в друга. Дарья чувствовала мамино и папино тепло, с которым ничего не могло сравниться.

И чего бы им не жить и дальше? Маме и папе! Чего бы им совместно не радоваться, глядя на дочь, во младенчестве не погибшую, а теперь по внешним данным на первую девушку в классе претендующую? Успеваемость средняя, от «четверки» до «тройки», – то, что и нужно, чтобы не прослыть ботаником или тупицей. Братик умерший помучил воображение и благополучно сгинул. При необходимости память о нем можно было призвать – когда требовалось слезу пустить или загадочной особой с тайным прошлым предстать перед новой подружкой или незнакомым парнем.

Если Дашу спросить, какой стала мама после развода, ответ был бы – стерильной. В это слово Даша вкладывала смысл: ровной, спокойной, безучастной, сдержанной, будто у нее сильно голова болит, но врачи сказали – это до конца жизни, терпите и сосуществуйте с мигренью. Мама не смеялась над смешным, а слабо улыбалась, не кипятилась, не орала, как бывало, когда Даша что-нибудь выкинет, а стерильным голосом изрекала: «Подумай над своим поступком, он неблагоприятен» или: «Подумай над своим поведением, оно оставляет желать лучшего».

– Чего думать? Чего думать? – заводилась Дарья. – Чего ты со мной общаешься как из телевизора, как из передачи про психов? Я нормальная! А ты! Ты стала амебой стерильной, как монашка пристукнутая. В церковь не ходишь?

– Нет. У тебя есть ко мне претензии?

– Вагон и маленькая тележка.

– Конкретнее.

– Почему ты не сражаешься за папу, не бьешься, не рыдаешь, не ставишь вопрос ребром?

– Зачем? – мама с легким удивлением пожала плечами.

– Чтобы он к нам вернулся!

– Зачем? – с тем же выражением лица повторила она.

– Чтобы у меня был отец, у тебя – муж, а все мы вместе – прекрасная семья.

– Отца у тебя никто не отнимал. Прежней семьи никогда не будет. Выкинь из головы глупые планы.

– Ага! Я – выкинь! Вслед за тобой? Ты так легко перечеркнула вашу с ним любовь, нашу семью, мое детство, братика умершего...

– Стоп! Тебя уносит. Прошрое не зачеркивается и не девальвируется. Братик... ты до сих пор о нем думаешь, это мучает тебя?

– Давно не мучает, – вынуждена была признаться Даша. – Так, к слову пришлось. Но меня бесит твое абсолютное спокойствие! И преступное бездействие!

– Успокойся. Объясняю тебе по пунктам и надеюсь, в дальнейшем не возникнет потребности еще в одном подобном разговоре, они психического здоровья не прибавляют. Первое. Ты моя дочь, и обсуждать с тобой свои душевные переживания я не стану. Потому что, во-первых, не желаю обременять тебя недетскими знаниями. А во-вторых, вообще не приемлю женской дружбы взадос между матерью и дочерью. Следующее...

Мама хотела быть строго логичной, но запуталась.

– Второе, – подсказала Дарья. – У «первого» было два подпункта.

– Да, второе. По складу характера я интроверт, поэтому мне легче и проще переваривать проблемы внутри себя, ни с кем не делаясь, не советуясь, не плача на груди у сердобольных подруг. Знаю, проверено на опыте, процесс переваривания когда-нибудь закончится, и я смогу дышать полной грудью, восстановлюсь. Тебе надо потерпеть. Пожалуйста, потерпи!

– Это как я суп варила? Помнишь? Хотела вас с папой порадовать, после ангины выздоравливала. Бросила все имеющиеся продукты в кастрюлю, они кипели и кипели, я уснула. Суп превратился в мутную густую жижу, которую отправили в унитаз. Так и ты перевариваешь?

– Похоже, – согласилась мама.

– Но я так не могу! У меня все клокочет! Мне хочется действовать!

– Запишись в спортивную секцию или в бассейн.

– В четырнадцать лет? – возмутилась Даша. – У нас все, кто спортом занимаются, уже асы, я буду позориться на скамье запасных?

– Хорошо, спорт отменяется. Дай подумать.

Мама нашла решение – купила Дарье боксерскую грушу.

Два грузчика, надрываясь и пыхтя, втащили в Дарьину комнату аппарат – на полу тяжеленная круглая станина, от нее идет металлическая палка, далее тугая толстая пружина, и все венчает груша, покрытая кожей в красно-черную полосочку. Такого не было ни у кого из Дашиных друзей!

Она приклеила на грушу фото новой жены папы и дубасила по нему утром и вечером. Фото попросила в очередную «папскую субботу», как она называла выходные, проводимые с отцом и Виолой. Папа гордо улыбался, когда Виола протягивала снимок. Девочки начинают дружить. Как же! Знал бы, для чего фотка. Еще узнает.

Даша никогда прежде не делала зарядку и вообще физические упражнения терпеть не могла. Но теперь с удовольствием скакала вокруг груши, пыталась даже ногой заехать по Виоле, повторяя приемы восточных единоборств и издавая возгласы киношного ниндзя.

– Ты вопишь как резаная, – говорила мама Дарье, потной и возбужденной, идущей в душ.

– Ага! Надо было папочке нам ластами помахать, смыться, чтобы заставить меня физкультурой заниматься.

Однажды, возвращаясь из душа, вытирая полотенцем мокрые волосы, Даша застала в своей комнате маму. Она медленными слабыми движениями ударяла в уже изрядно потрепанную фотографию Виолы. Мама била легонько, точно разведывая, пробуя на прочность грушу или сам метод на эффективность. Когда колотила Дарью, груша моталась из стороны в сторону, а у мамы лишь покачивалась.

– Сильнее бей, – посоветовала Даша.

Мама смутилась, покраснела.

– Глупости все это, – сказала она и мелко потрясла головой, будто отгоняя ненужные вредные мысли и желания. – Детский сад. Пожалуйста, не показывай этот аппарат папе, когда придет.

– А то! – ответила Даша.

«А то» было любимым словечком Наташи Суворовой, Дарьиной подруги. И обозначало оно согласие или отказ – в зависимости от того, что хотели услышать. Ведь мама могла подумать, что дочь имеет в виду: «А то я не понимаю, что папе будет неприятно, зачем его обижать». На самом же деле расшифровка абсолютно противоположная. «А то я упущу момент, – думала Даша, – когда вытянется лицо фазера!»

Бабушки и дедушки, конечно, переживали развод Дарьиных родителей. Но, как и мама, покорились судьбе. Мол, всякое в жизни случается, люди сходятся и расходятся, теперь такое сплошь и рядом, главное – чтобы все обстояло интеллигентно – без истерик, проклятий, выцарапываний глаз и прочих некультурных явлений. Повлиять на решения взрослых детей мы уже не в силах, поэтому принимаем положение вещей и стараемся облегчить переживания страдающих, то есть Даши и ее мамы.

Мама сразу пресекла попытки участливых родителей, указала на дистанцию – не приближайтесь со своими соболезнованиями, хотите помочь – не говорите со мной о разводе. Бабушки испытали разочарование – им хотелось обмусоливания (конечно, интеллигентно возвышенного) страстей и пороков зятя и сына. Дедушки облегченно вздохнули, потому что им совершенно не хотелось полоскать кости сыну и зятю. И все сошлись во мнении, высказываемом в качестве предположения: возможно, все проблемы Дашиных родителей заключаются в излишней бесстрастности и холодности ее мамы.

Дарье аккуратненько и деликатненько донесли эту мысль. Она же безо всякой деликатности прямо заявила маме:

– Бабы и деды говорят, что ты – человек в футляре, никого за упаковку не пускаешь.

– Далее?

– И поэтому папа тебя бросил.

– Насчет футляра – согласна. Но ты, Дашка, внутри него сидишь. В детстве была полностью – телом, мыслями, страхами, болезнями. Потом стала выбираться. Это называется самостоятельность – естественная, вырастаемая и правильная.

– Что-то осталось, – пробормотала Даша.

– Осталась навсегда и навечно, только для тебя, возможность нырнуть в мой футляр по первому желанию и требованию. Но внутри футляра маленькие футлярчики, мы уже с тобой говорили. Твои проблемы – мои проблемы. Но мои проблемы – не твои проблемы.

– А папа?

– Он был единственным, кого я впустила.

– И что?

– Откуда у тебя манера говорить и спрашивать междометиями и союзами – «и что?», «а то?», «ну, и?»

– От Наташки Суворовой. Она вообще на звуки переходит. Представляешь, клеится к ней какой-нибудь ботаник, а Наташка скривится, пальчиком в сторону потыкает и «с-с-с-с» произносит. С таким пренебрежением, что всем, включая ботаника, становится понятно, какое он чмо и должен мелко трусить за горизонт. У меня так не получается. Мне тысячу слов выдать хочется. Мама! Ты не договорила. Впустила папу в свой футляр, он там пожил и...?

– Это же не рай. Возможно – наоборот. Его нельзя осуждать за то, что, увидев мою подноготную, не приклеился навечно.

– Мама! – заорала Дарья на всю мощь легких.

Мама осуждающе покачала головой, воткнула указательные пальцы в уши и потрясла, избавляясь от треска в барабанных перепонках.

– Мама! – перешла на громкий шепот Дарья. – Ты себе цены не знаешь! Таких, как ты, – одна на миллион. Нет, таких изумительных вообще не рождалось! Красивая, умная, благородная – упасть и не встать. Ты, вот я сейчас поняла, ты – реинкарнация святой богини! Точно! Все земные мужики не годятся тебе в подметки, включая моего дорого любимого папочку.

– Дарья, тебя опять уносит.

– Скажешь, я неправильно говорю?

– Скажу другое. Как ты, дочь, на меня не похожа! И какое это счастье!

– Не понимаю.

– И хорошо. У тебя еще вся жизнь для осмысления. Было бы обидно сейчас сразу все понять, разложить по полочкам. Вернемся к мирскому и простому. Не слишком напрягаешь папу и его новую жену, бабушек и дедушек? Ты завалена подарками, ты уже просишь то, что тебе не нужно.

– Они все время спрашивают: чего ты хочешь, чего ты хочешь? Им только свистни. Я похожа на умирающую девочку, которую напоследок балуют.

– Что за дикие сравнения! Полагаешь, это красиво, благородно – корыстно использовать чувства пожилых людей?

– Нормально! За свои подарки бабы и деды имеют полный комплект проявления моей любви. Если я обнимаю за шею одну или другую бабушку и шепчу, мне же ничего не стоит: «Ты моя голубушка ненаглядная!» – и все! Бабушки на седьмом небе от счастья. За прошедшие полгода и три месяца вперед подарки оплачены.

– О, господи! – тихо ужаснулась мама.

– Чего «господи»? Я их люблю? Люблю! Я не врала? Не врала! Кому плохо? Только тебе, потому что в твоём футляре плохая вентиляция.

Мама встала и вышла, прекратила-отсекла дальнейшие разговоры. Даша понимала, что маме больно. Но и самой Даше несладко. Она бы обошлась без подарков, сама приплатила бы за исполнение единственного и очень острого желания – чтобы папа вернулся и все было по-старому. Но ей со всех сторон дуют в уши: невозможно, обратного хода жизнь не имеет. Горе, поняла Дарья, – это когда тебе хочется невозможного прошлого.

Дарья позвонила дедушке Володе, папиному отцу:

– Дедуль, надо встретиться.

– К нам приедешь или на нейтральной территории?

– Лучше на нейтральной.

– Сводить тебя сегодня в обед в ресторацию?

– Согласна.

– Школу прогуляешь?

– А ты мне записку напишешь, мол, по уважительной причине отсутствовала.

– Договорились. В два часа встречаю тебя на Дмитровской. Пока!

Единственная внучка, обожаемая бабушками и дедушками, Дарья в разные периоды отдавала предпочтение им по очереди. В раннем детстве, рассказывают, она жить не могла без бабушки Иры, маминой мамы – теплой, толсто-уютной, очень домашней и ласковой. Любовь пригласила, когда бабушка решила обучать внучку вязанию и вышиванию крестом. Дарья переключилась на дедушку Васю, маминого папу, заядлого рыбака. Потребовала, чтобы у нее были личные удочки, вставала на заре, тащилась с ним на пруд около дачи, мечтала о рекордном улове и поражала одноклассников знанием разницы между лещом и подлещиком. Но рыбалка постепенно наскучила, как и вязание крючком. Настал черед влюбленности в бабушку Лену, папину маму. Это была странная влюбленность, потому что

бабушку Лену, романтическую и трепетную, Дарья терзала страшными кладбищенскими сказками про мертвецов, вылезших из могилы, про путешествующие протезы, которые отрывали у людей части тела, про кровавые простыни, летающие над пустынными улицами, про ожившие инструменты стоматолога. Бабушка таращила в испуге глаза, хваталась за сердце и бормотала:

– Деточка, где ты набралась этих кошмаров?

– Их Наташка Суворова сочиняет, – честно отвечала Дарья.

– Что за странные фантазии у девочки! Может, тебе лучше не дружить с ней?

– А с кем дружить, с Олькой Глухой? У нее одни мальчики на уме, и как целоваться надо, и что мужчина и женщина куда друг другу засовывают. Хочешь, расскажу?

– Нет! – махала бабушка руками. – Пусть будут лучше мертвецы и гроб на семи колесах. Почему у него, кстати, семь колес?

– Я же тебе объясняла! Восьмое отвалилось, поэтому гроб, когда скачет, припадает, тарыхтит, из него высовывается синяя рука с черными ногтями и хватает людей.

Дарья шлепнулась на пол, прикрылась пледом и весьма натуралистично изобразила корчи мертвеца. Ей нравилось дразнить бабушку, и она с удовольствием после бабушкиного: «Дай мне капли!» – неслась к аптечке, хватала лекарство и рюмку, капала в нее валерьянку и предлагала выпить двойную дозу, потому в запасе еще история про взбесившуюся бор-машину.

Последние года полтора на первые позиции вышел дедушка Володя и стал Дарьиным фаворитом. Он был похож на папу (точнее – папа на своего отца) и казался символом абсолютной, хотя и несколько загадочной мужественности – ироничный, с хитрым блеском и затаенной насмешкой в глазах, с полуулыбкой на губах.

Выдающиеся качества дедушки Володи подтверждали и остальные члены семьи. Однажды Дарья подслушала, как обе бабушки говорили, что с возрастом он уgomонился и помудрел, да и внешне изменился в лучшую сторону. В молодости у него была буйная грива непокорных, жестких, спирально выющихся, черных волос. Теперь они поредели и поседели, что дедушку очень украсило. Бабушка Ира сказала: «Была бы борода – вылитый Карл Маркс».

В этот момент Дарья вылезла из-за кресла, за которым пряталась, желая уточнить:

– Кто это Карл Маркс?

Бабушки переглянулись. Не потому, что удивились появлению внучки, они прекрасно знали, где она сидит. Их поразило, что ребенок не знает, кто такой Карл Маркс.

– В наши годы портреты Маркса, Энгельса, Ленина висели на каждом углу, – сказала бабушка Ира.

– Если бы тринадцатилетний ребенок признался, что не знает этих имен, – подхватила бабушка Лена, – его бы записали в умственно отсталые.

И обе они с осуждением посмотрели на Дашу.

– Ой-ой-ой! – защищалась она. – Подумаешь! Сравнили свою старую молодость и мою новую. Этот Карл Маркс был хотя бы умным?

– Он был гением! – торжественно изрекла бабушка Ира.

А бабушка Лена подтвердила:

– Его учение до сих пор как призрак бродит по Европе.

Через некоторое время, желая подлизаться к дедушке Володе, Дарья сообщила ему:

– Наши бабули считают тебя гением.

Дедушка довольно улыбнулся, но насмешливо подмигнул:

– Если тебе нужна мелочишка на карманные расходы, можешь не упражняться в грубой лести.

Легонько щелкнул ее по носу и поцеловал в лоб. Это было чертовски приятно! Вообще приятно, когда тебя любят – как постоянно парить и нежиться на теплом облаке. Но самому всех любить одинаково невозможно. И тот, кто становится исключительным объектом обожаения, дарит особое удовольствие. Папа всегда был исключительным, вне зависимости от периодов Дарьиного взросления. А потом взял и предал ее, променял на блеклую Виолу. Дедушка Володя никогда бы так не поступил!

...В ресторане они отлично пообедали, поговорили о школьных делах Дарьи. Главный вопрос она задала, когда принесли чай и пирожные.

– Как тебе молочница?

– Кто? – не понял дедушка.

– Папина новая супруга.

– Почему молочница?

– Имя как у дешевого сыра. Что ты о ней думаешь?

– Нормальная женщина. Только не говори, что Виола тебя обижает.

– Наоборот, она передо мной... как это, когда хвостом виляют?

– Лебезит?

– Точно. Виола – настоящая лебездя!

Дедушка невольно хохотнул, но осуждающе покачал головой.

– Она хочет казаться добренькой, – продолжала Даша, – но только претворяется.

– С чего ты решила?

– Они меня уже на три выходных забирали. Кино, прогулки по скверу, парк с аттракционами, обед в кафе и прочая обязаловка. Тужатся и тужатся продемонстрировать, что, мол, все у нас прекрасно. А на самом деле все отвратительно! И Виола не добрая, а злая внутри мымра.

– Откуда ты знаешь?

– Дети и собаки, – категорично заявила Даша, – всегда чувствуют истинную доброту.

– Ерунда! – скривился дедушка Володя. – Маленькие дети считают хорошими тех, кто даст им конфетку. Дети постарше, умей разбираться в людях, не поддавались бы сладким уговорам маньяков и не отправлялись бы с ними на верную гибель. Собаки – не более чем животные. Легко могут искушать ребенка, если увидят в нем угрозу.

– Но так считается! – упорствовала Даша.

– Так считают те, кто верит в хлесткие фразы, афоризмы и прочие крепко сбитые выражения. Кодируют себя так называемыми мудрыми мыслями. А ловко сбитые слова – все равно только слова. Конечно, есть народная мудрость: пословицы и поговорки. Но на каждую пословицу, имеющую один смысл, обязательно найдется другая с противоположным значением.

– Например?

– Сытое брюхо к учению глухо. И – тощий живот ни в пляску, ни в работу.

Дашенька, мне бы хотелось, чтобы ты критично относилась к зомбирующим псевдооткровениям. Не повторяй ошибок своей бабушки Лены. Когда-то в молодости был у нас конфликт, желая пошутить, оправдаться и отчасти переложить на нее вину, я имел неосторожность сказать: «Ты просто не умеешь выходить замуж». Дернула меня нелегкая за язык! Она восприняла мои в общем-то глупые слова как истину в последней инстанции, как собственный роковой недостаток. Какое, к лешему, может быть умение или неумение выходить замуж? Это ведь не на скрипке играть или на коньках кататься. А бабушка твоя чуть что: «Ах, мне не дано правильно выходить замуж!» Затерроризовала!

– Дедуля, – поразила Даша. – Ты с бабулей тоже стоял на грани развода?

– Неоднократно, – признался дедушка. – Мы же не святые и не блаженные.

– Но вы все-таки не разошлись! Ты не поступил как папа!

– Деваться было некуда, – хитро улыбнулся дедушка. – Твоя бабуля обязательно вляпалась бы в другой неудачный брак, потому что...

– Выходить замуж не умеет! – закончила Даша, и они вместе рассмеялись. – А в каком возрасте ты угомонился? И что бы делал, пока не угомонился?

– Чья терминология – «угомонился»?

– Неважно, колись!

– Правильнее будет сказать, что мы с бабушкой угомонились одновременно. Она – ревновать, я – давать поводы для ревности.

– Значит, папа поторопился, они с мамой не дождались, пока угомонятся?

– Внушенька, мы имеем то, что имеем. Тебя все любят...

– Еще бы меня и не любили!

– Скромность украшает.

– Этот афоризм, по твоему совету, я воспринимать не буду.

– Что конкретно тебе не нравится в Виоле?

– Все! От «а» до «я», от макушки до пяток. Ненавижу! Представляешь, как-то своим лилейным голосочком мне сообщает: «Я всегда мечтала о дочери, тихом ангеле. К сожалению, у меня детей не будет». Ну, дальше тра-ля-ля, какая я чудная и красивая. Еще бы она вырождков наплодила! А вы бы у их колыбели сидели и стерегли! Фигу! Я ей покажу тихого ангела!

– Дашуль, ненависть твоя недетская. Или, – задумчиво пожал плечами дедушка, – напротив – совершенно детская. Потому что только в детстве ненавидят слепо, бездумно и жестоко. Надо взрослеть, малышка! Тебе сейчас кажется, что папин уход лег на тебя позорным пятном, будто в тебе окружающие увидели тайные недостатки.

– Если бы я была умопомрачительно прекрасной и папа любил меня по-настоящему, он бы не бросил нас! – зло процедила Дарья.

– Значит, я прав. Тебя заласкали со всех сторон, а ты внутренне уверена, что обладаешь изъянами, которые позволили папе уйти. А дело-то не в тебе! Папа ушел, потому что полюбил другую женщину.

– Сильнее, чем меня?

– Не сравнивается, это разные любви.

– Но если бы Виола не нарисовалась на папиной работе, он бы так и остался с нами?

– Не исключено.

– Что и требовалось доказать! Во всем виновата молочница!

– Тебе обязательно нужен враг, – не спросил, а констатировал дедушка. – Растоптать его, раздавить, стереть в порошок. Отомстить.

– Это плохо? – с вызовом спросила Даша.

– Да! – серьезно ответил он. – С высоты своего возраста могу судить: месть – это как ожидание прекрасного хмеля от великолепного вина. Но в итоге оказывается, что лакаешь уксус. Удовольствия – ноль, а сил душевных потрачено много. Их бы на пользу людям. Твою бы злобу да на...

– Алгебру или геометрию? Подтянуть успеваемость? – с обидой и вызовом перебила Даша.

Дедушке ничего не оставалось, как кивнуть и развести руками: сама все понимаешь.

Даже он, мудрый, не был способен вникнуть в глубину несчастья внучки. По сути, отделался общими рассуждениями и тривиальными советами. Никто ей не товарищ и не помощник!

Дарья насупилась. Дедушка посмотрел на часы.

– На работу опаздываешь? – спросила она и поднялась. – Расплачивайся, а я побежала. Пока!

Не поцеловала на прощание, боялась, что предательские слезы хлынут раньше времени.

Выскочила на улицу, вытирая щеки, шмыгая носом, быстро потрусила в сторону метро.

– Девочка! – преградила ей путь сердобольная старушка. – Тебя кто-то обидел? Что-нибудь потеряла?

– Да! Я потеряла папу.

– Ой, какое горе! Умер?

Даша не ответила, махнула рукой и пошла своей дорогой.

Лучше бы он умер! Какая страшная мысль, какое дикое желание! Но ей было бы легче, если бы папа сгинул с лица земли, а не жил с мыррой. Похоронили бы, на могилке цветы посадили, истово горевали. Пускали бы не такие слезы, как у нее сейчас, – злые и колючие, а благодные – тихие и светлые.

Дарья, к счастью, пока не теряла близких. Умерший давно братик не в счет. И она не догадывалась, что за жизнь любимого человека можно отдать все и отпустить его в любые веси, лишь бы жил. Но платы и жертвы не принимаются, торгов не бывает. Ей еще предстояло узнать боль невосполнимых потерь. А непознанная боль кажется легче той, что сейчас мучает.

Она не собиралась, конечно, отправлять папу на тот свет. Но Виоле намстить – обязательно!

В школьном изложении Даша как-то написала, что один герой другому намстил. Учительница зачеркнула приставку «на» и сверху написала «ото», потом пояснила:

– Глагола «намстить» не существует, есть глагол «отомстить».

Дарья возмутилась:

– Но ведь говорят – «нагадить» и не говорят – «отгадить». Намстить – это значит талантливо нагадить.

Класс Дарью поддержал, главным образом потому, что урок затягивался и вызовы к доске откладывались. Учительница до звонка рассказывала о неологизмах – новых словах в речи, как они появляются и закрепляются. К доске никого не вызвала, скучные рассуждения про неологизмы все забыли, а «намстить» взяли на вооружение. Если пересказываешь новый фильм-боевик, то как объяснишь действия одного хорошего персонажа по отношению к плохому? Хороший полтора часа справедливость наводил и намстил по полной программе.

В субботу папа приехал за Дашей. Мама загородила спиной дверь в детскую, чтобы папа не увидел грушу с фотографией. Но Дарья желала обратного. Попросила папу переставить тяжелый снаряд, с которым она теперь тренируется. Отец, увидав помятое фото Виолы, мгновенно все понял, но ничего не сказал, молча оттащил грушу в угол.

В коридоре, когда уходили, они, мама и папа, обменялись долгими взглядами. Если бы Даша могла их расшифровать, она бы услышала папин упрек: неделю работаю как вол, вместо того, чтобы отдыхать с молодой женой, тащусь сюда, развлекаю дочь. И мамин ответ: проблемы твоего самочувствия меня более не касаются. Папино возмущение: ты поощряешь Дашину нелюбовь к Виоле! Мамин отказ: ничего подобного, это у тебя не получается привить дочери хотя бы просто терпимое отношение к новой супруге.

– Вы чего? – спросила Даша застывших родителей.

– Поговорили, – не прощаясь, папа вышел.

– У меня сегодня лекции у вечерников, – сказала мама. – Ужин будет на плите.

– Пока! – чмокнула ее в щеку дочь.

У Даши осталось смутное подозрение, что мама расстроена. Но раздумывать об этом было некогда, сегодня предстояли большие дела.

Виола ждала их в машине. Сидела на переднем сиденье.

– А можно я сяду на мамино место? – поздоровавшись, попросила Дарья.

– Конечно! – быстро согласилась Виола.

Она распахнула дверь, вышла, пересела назад. Папа тихо скрипнул зубами, но ничего не сказал.

Когда тронулись, Виола жизнерадостно сообщила:

– Сегодня у нас в программе цирк. Тебе нравится цирк? Я обожаю его атмосферу праздника, столько восхищения на единицу времени.

Даша терпеть не могла цирк. Научились люди кувыркаться в воздухе или бутылками жонглировать и за деньги это показывают. Животных мучают! Видно же, с какой неохотой собачки на задних лапках кружат, львы через кольцо прыгают. За подачку – дрессировщик после каждого трюка из кармана незаметно достает кусочек еды и в пасть им пихает. Если бы зверей как следует кормили, они бы номера не выделяли.

Папа прекрасно знал ее отношение к цирку. Но раз Виола хочет – терпи, Даша, идиотские представления.

– Спасибо, папа! – язвительно поблагодарила она.

– А потом, – продолжала Виола, – поедem к нам, наконец, привели квартиру в более-менее приличный вид. Пообедаем. Судак в кисло-сладком соусе. Тебе нравится китайская кухня?

– Нравится, – ответил за Дашу отец.

– И третьим номером программы – новые японские мультфильмы, твои любимые. Я купила несколько лицензионных дисков. Одновременно с кинопросмотром десерт: фрукты, итальянские пирожные, цукаты в шоколаде и орешки пяти видов. Как тебе программа?

– Нет слов.

Это выражение тоже из арсенала Наташи Суворовой. Можно было не сомневаться: Виола решит, что Даша восхищена. А папа догадается, где Даша видела и цирк, и французские пирожные, и мультики.

В цирке оказалось даже хуже, чем помнилось Дарье по посещениям в глубоком детстве. Представление было театрализовано до крайности. Воздушные гимнасты изображали бабочек и эльфов, акробаты нарядились скоморохами. По канату разгуливали девицы в бикини, расшитых блестками, на батуте подпрыгивали индейцы в перьях. Конечно! Кто бы стал на них смотреть, если бы они без костюмов и актерства просто кувыркались и стояли на пяти качающихся бочках! Клоуны могли рассмешить только дошкольников и стариков в маразме. Да еще, конечно, Виолу. Она прямо лучилась от детского счастья. Папа на нее посматривал и таял от умиления. А у Дарьи еще больше портилось настроение, хотя она притворно улыбалась и аплодировала в положенные моменты. Зверей было особенно жалко. На бедных мишек нацепили дурацкие юбки и шляпы, заставили на самокатах кружиться. Дарье казалось, что она физически чувствует, как тиграм хочется сожрать дрессировщика, отомстить за мучения. И она бы не осудила тигров.

Даша настолько увлеклась внутренней критикой и поношением представления (при этом притворно изображая восторг), что чуть не забыла совершить самое главное. Вспомнила на последнем номере, когда все артисты высыпали на арену. В руках у Даши была бутылочка с малиновой газировкой. Якобы нечаянно, аплодируя, Дарья исхитрилась, наклонила бутылку, и напиток вылился точно в цель – туда, где живот у Виолы переходит в ноги. Великолепное алое пятно замечательно растеклось по белым Виолиным брючкам.

– Ой! – воскликнули одновременно Даша и Виола.

– Простите! Я случайно! – Дарья едва сдерживала торжествующую улыбку.

– Ничего страшного, – Виола улыбалась открыто, но испуганно и смущенно. – Мне сидеть мокро, протекло. Будем рассматривать это как маленькое дополнительное цирковое представление, бонус.

«Я тебе таких бонусов, – подумала Даша, – сегодня от души предоставлю».

– Дарья! – строго сказал отец. – Посмотри на меня!

– Правда, нечаянно, клянусь! – она округлила и выпучила глаза, изображая раскаяние.

– Конечно, нечаянно, – подтвердила Виола. – Теперь вопрос, как мне добраться до машины, не пугая людей. Спереди закроюсь сумочкой, а сзади вы пойдете, хорошо? Новые брюки... Но, возможно, в пятновыводителе отстираются. Это не должно испортить нам выходной. Пошли? Группа прикрытия! Держитесь поближе.

Когда приехали домой, Виола ушла переодеваться, папе позвонили по телефону, Дарья шмыгнула на кухню. Подняла крышки кастрюль на плите. В одной находилась киселевидная масса с кусочками овощей и ананаса. Кисло-сладкий соус, подходит. Даша схватила гель для мытья посуды и щедро удобрила им соус. Сняла с крючка большую кулинарную ложку, помешала в кастрюльке, чтобы гель хорошенько растворился, вымыла ложку и повесила на место. Приятного аппетита!

Теперь – в ванную, там у нас тоже есть к чему приложить фантазию, но делаем вид, что моем руки.

Во время обеда Дарья налегала на закуски, поскольку на основное блюдо рассчитывать не приходилось. И даже нахваливала Виолину стряпню.

– Люблю готовить, – благодарила Виола. – Но салаты – пройденный этап, слишком просто, да и едят их на голодный желудок, поэтому всегда кажутся вкусными. Мой конек нынче – китайская кухня.

Папа первым проглотил «конек», поперхнулся и выплюнул:

– Что за дрянь!

Даша сделала вид, что попробовала, и заявила:

– Какая гадость эта ваша заливная рыба! То есть китайская.

– Как? Почему? – всполошилась Виола. Подцепила кусочек рыбы в кисло-сладком мыльном соусе и тоже выплюнула. – Ужас! Не понимаю. Кошмар. Все было нормально, не знаю, что произошло, – растерянно бормотала она. – Дорогой! Ты же знаешь, мне судак в кисло-сладком соусе всегда удавался.

Даша ненавидели ее манеру называть папу «дорогим», «милым», «солнышком» или «роднулей». Мама всегда обращалась к папе по имени, без слащавых заменителей.

– В очередной раз убеждаюсь, – сказала Даша, – увлечение кулинарией – для женщин с недостатками интеллекта. Чем торчать у плиты, лучше книжку почитать.

Ее мама именно так и поступала. Пища для ума важнее утех для желудка.

– Что? – переспросила Виола, обескураженная и расстроенная.

– Милая, не горюй! – погладил ее по руке папа. – У нас ведь найдется чем заменить неудачного судака?

– Конечно! – подхватила Виола, сгребла блюдо с судаком и тарелки. – Я быстро! Подождите несколько минут и получите телятину с грибами.

Она ушла на кухню, а папа повернулся к Даше.

– Что мне с тобой делать?

– Раньше у тебя таких вопросов не возникало.

– Зачем ты прислала мне по электронной почте статьи про подростковые самоубийства?

– Чтобы знал, есть такой феномен. Возьму и брошусь с балкона, потому что ты нас бросил.

– Дура! Ты даже представить не можешь себе, до какой степени ты дура!

– Спасибо, папочка! Твои слова и поступки меня очень поддерживают.

– Издеваешься, язвишь. Дочь! У меня сейчас невероятно сложная обстановка на работе, вымотан до предела...

– Зато в личной жизни полный кайф. Молодая жена ублажает в постели сикось-накось, вдоль и поперек. Так ведь? Плюс бонус в виде китайской кухни.

– Иногда мне хочется отвесить тебе хорошенькую оплеуху!

– Это новое. Когда ты жил с нами, у тебя не возникало желания бить меня.

– Даша! Дочь! – отец глубоко вздохнул, точно сдерживая слова, которые рвались из него.

– Ага, по-прежнему твоя дочь. К сожалению, да? Сыночка проморгали, а я выжила. Обидно?

У него дрожали руки. Заметно – когда схватил графин с водкой, плеснул в стакан и залпом выпил.

«Постепенно спиваешься?» – хотела прокомментировать Даша, но удержалась.

– Пойми! – шумно выдохнул отец. – Ни угрозами, ни шантажом, ни хулиганскими выходками ты ничего не добьешься.

– Посмотрим.

– Мне звонил отец, в смысле – твой дедушка. Сказал, что ты стала на тропу войны.

– Разведка работает.

– Даша, ты воюешь с призраками!

– Это я уже слышала много раз. Пункт первый – ничего изменить нельзя. Пункт второй – направь свою буйную энергию на школьную успеваемость. Это хотел сказать? Не парься. Кстати, сережки, которые прошлый раз мне подарила Виола, я использовала для пирсинга. Проколола соски.

– Что-о-о?

– Ой, ты покраснел. Не лопни, фазер.

– Ты же в уши хотела. Зачем... по телу?

Папа мучался и страдал. Его корчи, то есть играющие желваки, доставляли Дарье непонятное, но ощутимое удовольствие. Гаденькое удовольствие. И она почти с облегчением сказала:

– Шутка. Я пошутила, мои соски в девственной неприкосновенности. Показать?

– Зачем ты меня мучаешь?

– А ты меня?

– Ты специально облила Виолу в цирке? Ты что-то вбухала в судака или в соус?

– Гель для мытья посуды, – оказывается, Виола какое-то время, незамеченная, стояла у входа в комнату. – Была полная бутылочка, а сейчас только на дне. Дашенька, наверно, случайно опрокинула ее в кастрюлю.

– Ты сделала это специально? – спросил папа.

– Давайте забудем про несчастного судака, – махала руками Виола. – Через несколько минут принесу мясо с грибами. Я тоже бываю неуклюжей, недавно уронила открытую банку с зеленым горошком. Он, естественно, раскатился во все стороны...

– Виолочка! – перебил папа. – Не старайся оправдать Дарью. Твоя доброта хорошо известна...

– Особенно врачам-психиатрам, – теперь встряла Даша. – Ваша доброта, Виола, сильно смахивает на умственное заболевание, шизофрению...

Она не договорила. Папа вскочил и совершил невозможное. Схватил дочь за грудки (тонкая Дашина маечка оказалась изрядной прочности), поднял в воздух и отправил в полет...

Даша приземлилась в углу дивана. Не столько ушибленная, сколько пораженная. Папа ее бросил, ударил! Швырнул прочь как твякающую собачку, вопящего котенка! Как вредную чужую!

Виола тут же стала на линию огня, загродила собой Дашу.

– Милый! Ты должен успокоиться!

– Она! Не понимает, что говорит, что делает. Сыном погибшим упрекает. Я же ее... Больше себя, больше жизни... Вырастил! Пылинки сдували! Пока ей годик не исполнился, толком не спал, боялся, что умрет. Единственная дочь! И она меня... как последнюю мразь! Не понимает, даже не пытается понять, что ее отец – человек, а не функция, что у него могут быть желания, что одна женщина, ее мать, – целый мир, но чужой, а мне повезло найти свой мир, тебя Виола. Чего она хочет? Отойди в сторону!

– Не отойду! – непривычно категоричным тоном и потому хриплым голосом сказала Виола.

– Мелко пакостит. Кому? Мне – отцу. Тебе – которая готова в золото ее закатать. Виола! Хватит попустительства. Отойди в сторону!

– Не отойду!

– Что-о-о?

Дарья видела лицо Виолы в зеркальной витрине на противоположной стене. Как люди бывают похожи! Мишка Моргалю, когда на Дашу в гардеробе навалился известный на всю школу хулиган Коршунов, бросился защищать Дашу. И на физиономии у него был написан острый страх, помешанный на безрассудную смелость, точь-в-точь как у Виолы. Дарья тогда, в гардеробе, оглушительно заверещала, прибежал охранник, драка прекратилась.

И сейчас она подала голос. Но вместо пронзительного визга вырывалось жалобное скуление.

– Тихо, тихо, девочка! – села рядом Виола, обняла за плечи. – Все в порядке, успокойся!

– Я тебя ненавижу! – выкрикнула Даша. – Убери руки, гадина!

– Хорошо, правильно, – Виола чуть отсела. – Было бы странно и ненормально, воспылай ты ко мне высокими чувствами. Ты меня будешь ненавидеть, а я тебя – любить. Любовь всегда побеждает...

– Чихала я на твою любовь! Святоша чокнутая!

– Вон! Вон из нашего дома! – рявкнул отец. – И не показывайся мне на глаза, пока не прекратишь беситься. Все перед ней на пузе пляшут, задаривают, задабривают. А она – чихала! Прочихаешься, сообщи. А до того – видеть тебя не желаю. Убирайся!

Папа выгонял ее, а слез почему-то не было. Наваливалось удивление, такое громадное, что не вмещало ни обиды, ни горечи, ни разочарования.

– Дорогой, так нельзя, – тихо сказала Виола.

– Можно! – отрезал папа. – Только так с ней и можно.

– Ты меня больше не любишь? – пробормотала Даша.

– Папа очень тебя... – поспешно встряла Виола.

– Заткнись! – бросила ей Дарья.

– Я тебя люблю больше жизни, – четко и раздельно ответил папа. – Но я тебе не позволю превращать собственную, мою, мамину, Виолину, дедушек и бабушек жизни в войну характеров. Хватит мотать всем нервы! Принцесса на горошине! Ты уже не на горошине! Ты горы камней навалила, не разберешь. Кому мстишь? С кем сражаешься? Отвечай!

– Ты прекрасно знаешь, за что я сражаюсь. И не отступлю! Твой, папочка, характер.

– Поэтому – вон! Уходи!

– Отличненько! Я, конечно, уйду. А потом – повешусь, или отравлюсь, или из окна выпрыгну. Записку писать не буду, ведь ясно, кого винить в моей смерти.

– Царица небесная! – ахнула Виола.

Папа дернулся, точно его стукнуло током. Побледнел, ноздри затрепетали, брови взлетели, глаза как пламенем осветились. Таким его Даша никогда не видела. Такой может убить или сам погибнет на месте.

С большим, видимым трудом папа взял себя в руки:

– Самоубийство – высшая степень эгоизма. Мне тошно сознавать, что вырастил подлую эгоистку.

– Почему? Я тебя избавлю от себя, живи и радуйся.

– Нет, Дарья! Вслед за твоим кончится существование бабушек и дедушек, мамино, мое... Перенести никто не сможет. Поэтому, прежде чем сигать из окна, сделай для нас последнее доброе дело – закажи места на кладбище. Большая семейная могила... Ты этого хочешь? Вперед! Спасибо, доченька!

Он развернулся и вышел из комнаты.

У Даши шумело в голове, и слова Виолы, которая что-то миротворческое моросила, не доходили.

Дарья сползла с дивана, пошла на выход – все в тумане, опьянении, как в параллельной действительности.

Она не сразу заметила, что Виола неотступно тащится вслед, провожает. Заплатила за Дашу в автобусе, удержала за руку, когда Даша чуть не шагнула под колеса мчащегося автомобиля.

Когда папа первый раз поехал в заграничную командировку, лет десять назад, он никому: ни родителям, ни жене – не привез сувенира. Только Даше – большой конструктор «лего», всю валюту на него потратил. Даша предпочла бы куклу, но папа радовался конструктору как мальчишка, часами просиживал, строя вместе с зевающей дочерью замысловатые фигуры.

И теперь Даше казалось, что в ее голове конструкции из кубиков рушатся, валятся в кучу, пытаются собраться в новые постройки. Только в отличие от «лего» ее мозговые кубики были не цветными, а черно-белыми. И падали, собирались и снова падали они со скрежетом, от которого закладывало уши.

Обессиленная внутренним землетрясением, Даша добрела до скамейки на бульваре, той самой, на которой любила сидеть с Наташей и Моргалом. Виола опустила рядом. Опять забубнила.

Дарья прислушалась.

– ... для нас с твоим папой большое счастье быть вместе. Но если ты ТАК страдаешь... Дети не должны мучаться. Достоевский говорил, что никакие блага мира не стоят слезы ребенка. Я сделаю, как ты хочешь, расстанусь с твоим папой...

– Все-таки ты неумная.

– Да я и не претендую.

– И Достоевский твой – болтун. Мудрые слова – только слова. Дети плачут по пять раз на день.

– Конечно.

– Детские слезы бесплатны.

– Как и женские.

– Мама моя в тысячу раз красивее тебя, уж не говоря, что умнее.

– Знаю. Даша, ты не станешь... не сделаешь с собой...?

– Я дура или гадина?

– Ты очень хорошая, – слабо улыбнулась Виола.

– Не заблуждайся. Если бы за твое убийство не пришлось сидеть в тюрьме, я бы тебя коннула.

Даша встала, пошла к дому.

У своего парадного, открыв дверь, Дарья замерла на секунду, развернулась к Виоле и сказала:

– Кремами своими не пользуйся и лосьонами.

– Что? – не поняла Виола.

– В ванной у тебя... Я в кремы и лосьоны отбеливатель и пятновыводитель намешала. И еще. В туфли тебе, которые в прихожей, клею бухнула.

– Спасибо, что сказала!

Дарья вошла в подъезд.

2008 г.

Грезиятка Повестъ

Пятнадцать лет назад грезияткой я называла девушку Олю, мою ровесницу. Я была студенткой университета, а Оля – коммунального техникума. Она приехала к нам в Москву, прожила месяц и оставила после себя не лучшие воспоминания. Оля – подруга моей двоюродной сестры из Петрозаводска. Заявилась в столицу ради своего жениха Леша, курсанта какого-то военного училища.

Сказать, что Оля была влюблена в Леша, значит ничего не сказать. Это была не страсть, а настоящая болезнь, лишившая Олю любых мыслей, кроме грез о Леше, отбившая всякую активность, не направленную на встречу с женихом. Днями Оля валялась на диване, слушала сентиментальные (и, откровенно говоря, пошловатые) песни, крутившиеся по кругу. К вечеру поднималась, долго и тщательно красилась, напяливала мой наряд (вначале спрашивала разрешение, а потом брала без спроса) и ехала на свидание к Леше. По воскресеньям свидание начиналось в полдень.

Меня Оля нервировала и раздражала, как мелкий камушек в ботинке.

– Может она пол подмести и картошку к ужину почистить? – зло спрашивала я маму.

– Не придирайся к Оле, – отвечала мама. – Видишь, девушка не в себе.

– Но она совершенно в себе, когда трескает приготовленный тобой обед. А посуду за собой помыть любовь не позволяет?

Мама все прощала Оле-нахлебнице, потому что Оля расписывала свою любовь весьма трогательно:

– Все время думаю о нем и только о нем. Мечтаю, картинки мысленно рисую, прямо как кино. Мы с Лешей на море, или в лесу, или гуляем. Я с ним постоянно разговариваю про себя. Не могу без него! Совсем! Мне нужно, чтобы он каждую секунду был рядом. Умираю без него! Так чувствую: Леша рядом – я живая, нет Леша – умираю. На все могу пойти, чтобы только не отлипнуть от него.

Она и не отлипала. Видела я их вместе: Оля спрутом повисла на его руке, голова поднята, губы просят поцелуя. Леша стесняется, но целует, дрожит возжеленно. Оля еще и еще требует, не видит ничего вокруг, ее не интересует, что люди подумают.

Леша извиняется:

– Оля, я же в форме. Погоди, сейчас в скверик уйдем.

Ничего особенного Леша из себя не представлял.

Рост и интеллект средние, манеры и повадки провинциальные. Уголки рта у него были чуть задраны вверх, поэтому выражение лица – клоунское, но доброе. Часто улыбается. Улыбка замечательная – недалекого парня, славного, но туповатого.

Примерно за неделю до Олиного отъезда я не выдержала и устроила ей разнос. Пришла днем из института, Оля на диване в позе покойницы, умершей в счастливую минуту: лежит на спине, глаза в потолок, блаженная гримаса. Магнитофон стенает: «Мы с тобо-ой два берега у одно-ой реки...»

«Покойница» повернула ко мне голову и слабо спросила:

– Настя, ты пришла?

– Нет, мой призрак прибыл. Чтобы спросить: у тебя совесть есть?

– Что?

– Валяешься на диване, а в раковине гора немытой посуды. Барыня? Мы обязаны тебя обслуживать? Хорошо устроилась. Можно подумать, что ты не из Петрозаводска прибыла, а прямо из Вестминстерского дворца. Принцесса! Особа королевских кровей.

– А?

– Два! Сядь, когда с тобой разговаривают!

Оля опустила ноги на пол. Смотрела на меня недоуменно, точно я говорю о чем-то отношении к ней не имеющем, вроде движения планет.

– Никогда не приходило в голову, – зло спросила я, – что если ты живешь у людей, то неплохо было бы по мелочи отблагодарить за гостеприимство? Пропылесосить полы, окна помыть, в магазин сходить, ужин приготовить?

Моя сестра, Олина подруга, так и поступала, когда приезжала. После визитов кухни наша квартира сверкала. Хотя мы всячески журили Машу – лучше бы в музей ходила, – в глубине души были очень ей благодарны.

Про музеи я и вспомнила, распекая Олю.

– Можно понять, если бы в музеях ты свой культурный уровень повышала. Который не выше плинтуса, – не без ехидства подчеркнула я. – Но ты целыми днями проминаешь диван. Мечтаешь! Гредишь о занюханном курсанте!

– Ты про моего Лешу?

– Эпитет «занюханный» отменяется. Извини, забудь.

– Настя, что мне надо сделать?

– По пунктам, доходчиво, для особо умных, читай – тупоголовых.

– Что читай? Я книжки не очень люблю.

– Заметно. Итак, по пунктам. Первое. Мой за собой посуду и выбрасывай в мусор ватные тампоны, которыми макияж смываешь. Каждое утро в ванной груда этой мерзости. Почему мы должны за тобой убирать? Второе. Перед уходом складывай свое белье в чемодан, а не разбрасывай по стульям. Лицезреть твоё исподнее никакого удовольствия.

– Я так волнуюсь перед встречей с Лешей.

– Не оправдание. Твоя мавританская страсть еще не повод нам с мамой твои трусы и лифчики собирать.

– Но ведь у вас нет мужчин, твой папа умер.

У меня перехватило дыхание. Идиотка Оля смерть моего отца рассматривает как индульгенцию на женское неряшество.

– Ой, Настя! Ты чего покраснела?

Несколько минут назад я мысленно подбирала слова, чтобы деликатно сказать Оле по поводу пользования моими нарядами, но тут отбросила хорошие манеры.

– Последнее и главное! Я тебе больше не разрешаю брать мою одежду! Поняла? Тебя к элементарному не приучили – носила чужую вещь, верни выстиранной, а не воняющей твоим пролетарским потом.

– Но у вас стиральная машина автоматическая.

– Наша машина не про тебя куплена. Голубые джинсы! Новенькие, я их берегла. А ты вчера напялила, теперь они в зелени. Леша тебя по траве кувыркал? Иди ты со своим Лешей, со своей любовью знаешь куда?

Новые, испорченные джинсы были главной причиной моего гнева. Но и оправдание имелось: тогда, пятнадцать лет назад, мы жили на мою стипендию и маленькую мамину зарплату. За стильные джинсы можно было душу дьяволу продать. И Оле я выдала, во-первых, что она заслуживала, во-вторых, что заслуживала, но в «культурном» состоянии духа мною не было бы озвучено, плюс, в-третьих, совершенно лишние проклятия ее родителям и всем предыдущим предкам, не сумевшим привить Оле разумные правила чистоплотности и общности.

– Если бы не моя сестра Маша, я показала бы тебе на порог! – орала я.

– А что на пороге? – спросила Оля, заглядывая в прихожую.

Свет не видывал такой дуры. Как Маша с ней дружит?

Двоюродная сестра была бы мне роднее всех родных, даже будь они в наличии. Машку я обожаю с пеленок, она мой кумир, недостижимый идеал, моя радость и мечта. Постоянная мечта об общении как желании счастья. Мы редко видимся, но подолгу, на каникулах, и практически не ссоримся, хотя дружбу с другими девочками я выдерживала не более трех дней. Они становились скучными, о чем я прямо заявляла. С Машей не скучно, потому что ласковое солнышко никогда не надоедает. Утром проснешься – и хочется солнышка.

Напуганная приступом моего бешенства, Оля отправилась мыть посуду. И кокнула мамину любимую чашку, папин подарок. Я онемела. Слова кончились. В глаз ей, что ли, заехать? Но девица на голову меня выше и значительно крупнее.

Мою немоту Оля восприняла как извинение или отступление. Или – как нечто иное, черт разобрал бы, что творилось в голове этой влюбленной дурынды. Но она попросила:

– Настя, можно я в последний раз возьму твою красную блузку? Леша говорит, блузка мне очень идет.

Непробиваема! Можно не терзаться интеллигентски, что наговорила человеку пакостей. С гуся вода. Она ничего и никого, кроме дорогого Леша, не воспринимает.

– Бери, – позволила я. – Последний раз.

Вечером у меня сердце кровью обливалось, когда мама складывала черепки, прикидывая, можно ли склеить чашку.

– Ольга разбила, – донесла я. – В кои веки заставила посуду вымыть, она удружила.

– Тебя просили оставить Олю в покое, – упрекнула мама.

– Хорошенькое дело! Я же и виновата в том, что у непутехи руки не из того места растут.

Далее мама сказала совершенно удивительное:

– Не надо завидовать Оле.

– Кто завидует? Я?

Мама махнула рукой, как она делала всякий раз, когда считала спор бесполезным, и мне следовало дойти до истины своим умом.

Завидовать Ольге мне казалось верхом абсурда. Я не старая дева и не обижена мужским вниманием. У меня свой роман, достойный и приятный. Моему парню, Борису, курсант Леша в подметки не годится, с какой стороны ни посмотри: ни внешне, ни образовательно. Конечно, нам с Борей любовь мозги не отшибла. Мы с удовольствием встречаемся, но не воем от тоски, когда расстаемся. Нам интересно и хорошо вместе, мы скушаем друг по другу. Но вполне можем провести студенческие каникулы в разных местах – я на море, он – в походе. И отлично отдохнуть, без ежесекундных терзаний: ах, где моя любовь, почему не со мной? Да потому, что каждый человек обладает индивидуальностью, которую следует беречь, а не растворять до остатка в избраннике. Какая у Оли индивидуальность? Микроскопическая. То ли дело я! Без ложной скромности. Большой круг интересов: годовой абонемент в бассейн и два абонементов в консерваторию, научный студенческий кружок, ни одной достойной художественной выставки не пропускаю или премьеры в театре (у моей подруги мама – билетер). У меня день занят от рассвета до заката интересными и полезными делами. Лучше было бы, как Оле, тупо грезить о парне, потерять волю? Передвигаться сомнамбулически, не замечая, что доставляешь другим людям лишние хлопоты? Не читать книг, не ходить в кино, музеи, театры, забросить научную работу, полезное общение? Нет, спасибо, я лучше в здравом уме останусь. Мама ошибается, что бывает с ней редко.

И обе мы предположить не могли, чем обернется бешеная любовь Ольги и Леша.

О дальнейшей судьбе Оли я знала от сестры. Оля и Леша поженились, его отправили служить на Дальний Восток. У них родились дети, две девочки. Потом у Леша произошла какая-то неприятная история, закончившаяся смертью солдата. Лешу сделали крайним

и выгнали из армии. Ребята вернулись в родной Петрозаводск. Не сразу, но получили квартиру. Леша работает на стройке, Оля – техником-смотрителем в ЖЭКе.

Все эти годы Оля присылала нам с мамой открытки на Новый год и Восьмое марта. Текст всегда одинаков: поздравляю, желаю счастья и здоровья. Мы не отвечали. Не из-за небрежения. Просто обмен праздничными открытками ушел из нашего обихода. На словах, по телефону через сестру передавали Оле приветы.

Я тоже вышла замуж, за Бориса. Нашему сыну одиннадцатый год. Забияка, разбойник и охламон, сынишка – моя главная радость в жизни.

Когда мама умерла, я впала в глубокую депрессию. Как ни странно, помогла мне выйти из эмоционального ступора Ольга. Прислала очередную новогоднюю открытку, в которой мне и маме (!) желала счастья и здоровья.

Меня взорвало, схватила телефон, набрала номер сестры в Петрозаводске:

– Скажи Ольге: моей маме здоровье уже не требуется!

– Настя, что с тобой? Почему ты кричишь?

– Потому что твоя распрекрасная подруга своими куриными мозгами не может запомнить, что мама умерла! Понимаешь? У-мер-ла! Ты приезжала на похороны.

– Да, конечно. Что Ольга-то сделала?

– Открытку новогоднюю прислала, маму поздравляет! Идиотка. Передай ей, что связи с тем миром я не имею и как там со счастьем обстоит, не представляю.

– Хорошо, передам. Настенька, хочу попросить прощения за Олю. Извини, она забыла. Ольга перед каждым праздником подписывает полтора десятка открыток, такая у нее привычка с молодости, когда жили на Дальнем Востоке и все родные и знакомые находились за тысячи километров.

– Мне плевать на ее привычки. А ей плевать на память о моей маме, коль не может запомнить, что мамы уже нет.

– Настена, я понимаю твою горячность. И хорошо, что она появилась.

– Чего-чего?

– Борис говорит, что ты последний месяц точно биологический робот. Функции выполняешь, а эмоции отсутствуют. Настя, сходи на сорок дней в церковь, поставь свечку за упокой тети.

– Я же атеистка.

– Все равно сходи.

– Еще не туда поставлю свечку, – колебалась я, – за здоровье вместо упокоя.

– Что мне нравится в атеистах, – рассмеялась Маша, – так это их боязнь не соблюсти правила, в которые не верят. А на Ольгу не держи зла. Она в принципе не плохая...

– А без принципов?

– Без принципов наша жизнь теряет смысл.

– Философия! Машка! – втянула я воздух носом, потому что потекли, наконец, слезы, долго копившиеся. – У тебя голос совсем как у мамы. Почему ты на нее больше похожа, чем я?

– Зато ты похожа на нашу бабушку, которая тридцать лет была председателем передового колхоза.

– Колхоз – это звучит. У меня на работе сплошной колхоз. Машка, – плакала я и по-детски просила, – хочу к тебе, очень хочу!

– Приезжайте! Сейчас. Летом. Когда угодно. Настена, не плачь... Ой, я тоже захлопала...

Разделенные сотнями километров, мы обливали слезами телефонные трубки. Не знаю, как для Маши, а для меня слезы были живительным потоком чистой воды, который пробил

каменные залежи тоски, отчаяния, бессилия, которые заваливают, когда теряешь близких и любимых.

После Нового года у меня вспыхнула болезнь позвоночника. И раньше с ним были проблемы, а тут – полный швах. Ноги помертвели, от боли я ревела как подстреленный бизон. Сделали очень сложную операцию, к счастью – успешную. Реабилитация, то есть медленное выкарабкивание из пучины недуга заняла несколько месяцев – до лета.

У мужа были планы на отпуск, но я твердила – в Карелию, в Петрозаводск, к Маше и только к Маше. Устроилось удачно. Боря с нашим сыном и Машиной дочерью сплавляются по карельским рекам, я живу у Маши. Надежный присмотр. И ежедневная лечебная физкультура – мой крест на всю оставшуюся жизнь. Сын очень напугался моей болезнью, прочитал в Интернете: главное при реабилитации после данных операций – физкультура – и суровым надзирателем заставлял меня выполнять упражнения. У сына были мамы, его бабушки, глаза. Так я считала, родня молчаливо не соглашалась, отводили взгляд, когда я утверждала. Краем уха слышала: Настя ошибается, глаза у мальчишки точь-в-точь отцовские.

Отпуск – это две недели, больше никому из сносно зарабатывающих москвичей не предоставляют. Первые два дня в Петрозаводске, когда сплавщиков собирали, – кутерьма. Дочка Маши набрала в поход косметики, мой сын тайно притащил из Москвы самодельный арбалет и рогатки. На диких зверей собрался охотиться.

Забыла сказать о Машином муже. По профессии Семен... кто бы вы думали? Грузчик. Точнее – бригадир грузчиков. Умный, начитанный, с прекрасной речью, совершенно самодостаточный щедрый человек, остроумно рассказывающий о своей работе: как рояль на десятый этаж по воздуху, через балкон, поднимали, как везли якобы унитаза, коробки опрокинулись, и в них оказались запчасти к винтовкам. Семен навсегда избавил меня от снобизма столичной дамочки с двумя высшими образованиями. Не в образовании дело, а в человеческом достоинстве.

Сплавщики отбыли. Дети покачивались под тяжестью рюкзаков за плечами. Семен сказал, имея в виду себя:

– Таможня пропустила контрабанду. Щипцы для завивки волос – это наша дочура. Электрических розеток им по пути не встретится. А твой, Настя, поволок-таки рогатки и арбалет. Пусть. Ноша должна провалиться хребет, чтобы от нее отказаться.

– А что тайно несет Борис? – напрасно спросила я.

После легкой заминки Семен ответил:

– Взрослый человек. Отвечает не только за себя, но и за детей.

Могла бы и не спрашивать. Борис наверняка в запасные штаны и чистые футболки засунул водку. Допинг, необходимый наркотик для поддержания хорошего настроения и бодрого духа. Одной бутылки на две недели ему не хватит. Значит, минимум взял две или три.

– Так лучше, – сказала я.

Имея в виду, что мой муж в легком постоянном подпитии сносный и относительно надежный человек. Когда трезв – хмур и немногословен. Под хмельком у него и координация лучше, за детей можно не волноваться.

Маше и Семену не требовалось уточнений. Они верили мне, как верят только родные люди. Знали, что своего сына и племянницу я не подвергну опасности.

На следующий день Семен тоже уехал в командировку – перевозить и устанавливать многотонный церковный колокол.

Маша убирала в квартире. Мою помощь решительно отвергла:

– Делай упражнения! Не смей пылесос трогать! Я сама, а ты: раз два-три-четыре, повороты, наклоны. Без халтуры! Глубже вдох, сильнее выдох!

Мы взопрели: я – от эгоистичной физкультуры, Маня – от полезной уборки. Сестра меня баловала. Какое удовольствие, когда тебя балуют! Меня баловали только мама и Маша. Сын учится этой науке. Научится – еще большее счастье будет.

Ух! Устали! Мы плюхнулись: Маша на диван, я – в кресло.

– Кто первым в душ? – спросила Машка.

И тут же одновременно завопили:

– Я-а-а!

– Я-а-а!

Нам было под сорок лет, взрослые женщины. А мы сцепились в рукопашной, как подростки, как тридцать лет назад. Боролись на диване, свалились на пол, катались от ножек стола до телевизора. Я таки Машку – на лопатки, припечтала к коврику.

– Ой! – вопила она. – Кто у нас на спину больной? Кто был парализованный? Да на тебе бочки возить! Иди к Семену в бригаду заместителем главного грузчика.

После душа мы закутались в махровые халаты. Мне достался халат Семена: кисти на середине рукава, по полу длинный шлейф тянется. Маша веселилась, говорила, что я похожа на детдомовца, которого отогрели, отмыли, подходящей одежды не нашлось, и сиротку одели во взрослое.

Мы пили чай с мятой. Оля спросила:

– У Бориса это... с выпивкой серьезно?

Я неопределенно взмахнула рукой. Мамин жест: мол, не хочу сейчас об этом говорить. В последнее время я стала ловить себя на том, что повторяю мамины движения, мимику.

Да и что бы я сказала Маше? Что наш брак – добровольное сосуществование тихого алкоголика и честолубивой дамочки, чьим грандиозным планам мешает слабое здоровье?

Сестра переменила тему:

– Оля настойчиво приглашает к себе. Давай сходим ненадолго, а то неудобно.

– Почему бы и нет?

– Согласна? Замечательно! Прямо сейчас ей позвоню.

Получив сообщение о визите, Ольга, наверное, засуетилась. Потому что Маша ее успокаивала: никаких столов парадных не устраивай, только чайку попьем.

Квартиру Оля с Лешей получили за выселением. На ремонт у них денег не было, да и не накопилось до сегодняшнего дня. Квартира представляла собой унылое зрелище. И не только потому, что требовалось давно поменять окна, двери, пол, ободрать старые обои и наклеить новые – словом, ремонтировать основательно. У Оли было грязно. К нашему приходу она, очевидно, пыталась навести порядок. Но такая уборка называется – развести грязь ровным слоем. Никуда не делись пустые банки под столами, воткнутые в обрезанные пластиковые бутылки побеги комнатных растений с клубкам белых корней – пересадить следовало месяца два назад, чайная посуда с коричневыми неотмытыми потеками, помутневшие хрустальные вазы, солидный слой пыли в серванте и на экране телевизора. Сама Ольга за годы, которые мы не виделись, раздобрела, точно вспухла. Но и я не помолодела. О чем Ольга мне сообщила, едва мы расцеловались:

– Какая ты стала!.. Усохшая.

– Мерси! – усмехнулась я.

– Ой, извини, ты же болела!

– Не заразно.

Оглядевшись в квартире, я невольно подумала: «Чему она дочерей научит? Вырастут такие же неряхи».

И ошиблась. Ольга показала комнату девочек. Порядок и чистота идеальные. Книжки на полках стоят по росту, куклы сидят чинно, причесанные как перед балом. На полирован-

ных письменных столах – ни пятнышка, тетрадки, учебники – стопками, ручки, карандаши – в стаканчиках. Не валяются ни брошенная в спешке блузка, ни джинсы.

– Это все моя Ленка, старшая, – сказала Ольга. – Забодала всех чистотой. Плешь проела – поменяйте нам обои старые, краску купите, я на окна и батареи смотреть не могу...

Ольга жаловалась на дочь, мы прошли в кухню, где запущение всегда более заметно. Несмотря на то что мы предупредили – только чай, Ольга затеяла пир. И, естественно, ничего не успела. На плите булькали в кастрюльке выпустившие белок яйца – для оливье. На столе – картошка в мундире, которую начали чистить для салата и селедки под шубой, сама селедка, халтурно освобожденная от костей, в блюде замоченный чернослив, который планировалось нашинковать грецкими орехами, уже освобожденными от скорлупы, горой насыпанной, соленые огурцы в банке, вареная колбаса, пустые пакеты, ножи, ложки, разделочные доски – на столе не было пяти квадратных сантиметров пустого места. Словом, картина: много хочу, мало умею.

– Ой, девочки! – глупо и бодро сказала Ольга. – Я сейчас быстренько все доделаю.

«Здесь быстренько часа на два», – подумала я, но вслух сказала:

– Для чего еще подруги, как не в помощь?

Мы распределили обязанности и приступили к работе. Ольга продолжила рассказывать о дочери. Будто кран закрыли на минуту, а потом снова открыли.

– Ты, говорит, мама, неаккуратная. А когда мне аккуратной быть? Как проклятая с утра до вечера, весь дом на мне. Я ей: не нравится, сама убирай. Она: за вами, мол, не наубираешься. И в туалете воняет. А это, отвечаю, сортир, а не розарий. Ну, туалет-то она моет. Перчатки натянет и драит. Ты, говорю, еще маску напяль...

– Оля, – перебила я, – а младшая дочь?

Ольга запнулась, словно только вспомнила наличие второй дочери.

– Со старшей пример берет, тоже гонор начинает показывать. И вот Ленка мне...

– Как девочки учатся? Я увижу их сегодня?

– Не, они у бабушки. Учатся? Да, нормально. Значит, Ленка мне претензии...

Все родители время от времени жалуются на детей. Но львиная доля в наших жалобах – гордость за детей. Я, скажем, возмущаюсь: сын два месяца сидел в каком-то молодежном чате, прикидывался легчиком-полярником и морочил головы взрослым девушкам. Подтекст моих речей – мальчик с компьютером на «ты». В Ольгиных словах подтекст не просматривался. Но предположить, что она из двенадцатилетней девочки сделала себе врага, было нелепо. Да и вникать не хотелось. После нашей с сестрой веселой потасовки и совместного принятого душа настроение было самое благодатное.

– Будет тебе, Оля! – примирительно сказала я. – Радуйся, что дочери такие чистюли. Безо всякого твоего усилия, – не удержалась от шпильки. И тут же перевела на Пушкина, вспомнила его слова. – Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей.

– О, ногти! – подхватила Ольга, которой каждое лыко было в строку. – Как сядет Ленка за маникюр, так три часа возится. Кутикулы выводит. У меня отродясь никаких кутикул не было...

– Оль, хватит! – попросила Маша. – Несешь и несешь! Можно подумать, что ты дочь не любишь.

– Как не люблю? – опешила Оля. – Разве можно не любить?

– Тогда не наговаривай на ребенка. А то Настя подумает, что ты не мать, а ехидна.

– Ты что? – испугалась Ольга. – Настя, правда?

– Ни в коем разе, – успокоила я. – Стремление к совершенству бесконечно. Хотя... чего тебе стремиться? Ты всегда была воплощенным совершенством.

Маша лягнула меня под столом ногой. Оля иронии не поняла.

– Помнишь, – спросила я, – как ты надевала мои вещи и однажды я тебе устроила разнос?

– Не помню, – удивилась Оля. – Так было?

– А как мамину чашку разбила?

– Что-то смутно вспоминаю.

– Ничего удивительного. Ты была настолько поглощена Лешей, что ничего вокруг не замечала.

На лице Ольги скорее досада отразилась, чем благостное воспоминание. Я не успела понять, в чем дело, как пришел сам Алексей.

Если за прошедшее время Ольга раздалась, я усохла, то Леша почти не изменился. Слегка заматерел и морщин мимических прибавилось. Он по-прежнему улыбался, стеснительно и мило. Не знал, как здороваться со мной, – обняться? за руку?

Ольга приветствовала мужа вопросами, заданными грубым тоном:

– Майонез купил? Забыл?

Меня поразило ее лицо. Ведь *как* на него прежде смотрела! Как на божество! Не дышала, налюбоваться не могла. А теперь! Губы поджала, в глазах – неприкрытое презрение.

Я подошла к Леше, поцеловала его в щеку:

– Здравствуй!

– Настя! Сколько лет, сколько зим!

Он еще шире улыбнулся, что тут же было отмечено Ольгой:

– Чего лыбишься? Все лыбится! Всю жизнь с улыбочкой. А майонез кто купит? Нам для оливье нужно и в селедку под шубой слоями покрывать.

Ругать Лешу за улыбку, природную, неотъемлемую составляющую его лица и мимики, все равно, что обвинять человека в том, что глаза у него зеленые, а не карие.

– Несись в магазин, – продолжала командовать Оля. – Одна нога здесь, другая там. Еще вина купи... или... Девочки, может, шампанского или коньяка? – расщедрилась она.

И меня снова шокировала игра ее лица: повернувшись к нам, Ольга излучала добро и радость, обратившись к мужу – злобную усталость.

– У меня денег не было, – оправдывался Леша.

– А у тебя их никогда нет! – с готовностью усмехнулась Оля. – Работничек! Добытчик! Захребетник!

– Помолчи, – скривился Леша. – Хоть при чужих.

– А Настя нам не чужая, мне от нее скрывать нечего. Держи деньги. И майонез на перепелиных яйцах не покупай, перепелиными я брезгую.

«Она брезгует! – мысленно возмутилась я. – Посудой в жирной смазке не брезгует. С газовой плитой, которую столетие не мыла, живет не страдает. На драный линолеум и тараканы следы не морщится. А диетические яйца не угодили принцессе!»

Маша поняла мое состояние и постаралась перевести все в шутку, когда Алексей ушел.

– Ведь как Ольга высчитывала? Выходит замуж за лейтенанта, через два года он старший лейтенант, потом капитан, майор... Словом, к тридцати годам Ольга у нас генеральша.

Юмор на данную тему Ольге был недоступен. Она серьезно подтвердила:

– Вот именно! Из-за него недоучилась, техникум бросила, увез на край света.

Уж вернулся Леша из магазина, а Ольга продолжала расписывать его недостатки. Как Леша медленно продвигался по службе, только до капитана дослужил, каким олухом себя выставил в той истории с самоубийством солдата, как Лешу сделали крайним, а он только ушами хлопал... Называла мужа, который тут же находился, только в третьем лице: «он», «его», «ему». Попытки Маши заткнуть подругу не увенчались успехом. Ольгу несло. Сменила пластинку: час назад старшую дочь хаяла, теперь мужа.

Леше было неудобно, но не слишком. Он слабо огрызался, но жену не приструнивал. Привык.

Настроение у меня испортилось. Не могла постичь, как роковая любовь может переродиться в пошлые дразги. Хотя известно: любовная лодка разбилась о быт. Но у Ольги была даже не лодка, а космический корабль, который летал в космосе, высоко над всем земным. А потом, выходит, с орбиты спикировал?

Закончив с оливье, я вымыла руки под краном и сказала Ольге:

– Достаточно! Все поняла. Леша пока не оправдал твоих надежд, это еще в будущем.

– Да чего от него ждать...

– Оля! Хочу тебе сказать, что мужчины вообще, все и каждый в частности, имеют уйму недостатков. Вот, например, мой муж Борис. По выходным ездим на дачу. И он ведет машину так, что солнце лупит мне в глаза.

Ольга кивнула, надеясь услышать, как я вторю ей, думала, что в моем лице встретит активистку популярного женского клуба «Мой муж тиран и кретин».

Ольгиных надежд я не оправдала:

– Как будто трудно Борису встать пораньше и переставить солнце на другую сторону. Правда, к даче одна-единственная дорога. Лентяй! Так и мучаюсь: утром на дачу – солнце в лицо; вечером с дачи – светило в физиономию. Одно утешает: Борису в равной степени достается.

Маша и Леша рассмеялись. До Ольги не сразу дошло.

– Это юмор? Я тоже анекдот знаю. Муж говорит жене: дура! А она ему: да, я дура! А был бы ты генералом, называли генеральшей.

Ольга торжествующе посмотрела на Лешу. Он привычно улыбнулся, будто извиняясь за неудавшуюся карьеру и одновременно намекая, что не в карьере счастье.

Милый вечерок предстоит, подумала я. Женщина, которая мечтала стать генеральшей, до гроба не простит мужу обманутых надежд. Если она и признает превосходство других мужчин из высшего командного состава над ее супругом, то никогда не согласится на превосходство их жен. Никогда. Супруга генерала ничуть меня не краше, просто удачливее. Ей повезло, а мне не подфартило. Будто замужество – это долгосрочные инвестиции. Только через несколько лет станет ясно, купила акции успешного предприятия или провального. Но ведь тогда, в космический период ее любви, Ольга не думала ни об акциях, ни об инвестициях – даже в других словах, но с аналогичным смыслом. Она пассивно умирала без Лешы и активно умирала в его присутствии, требуя, как наркоман дозы, поцелуя, объятий. Интересно, на каком этапе произошла переоценка? Когда беззаветно любимый начинает рассматриваться в качестве средства передвижения по карьерной лестнице? Через год, три, пять после свадьбы? Когда рай в шалаше оборачивается прозябанием в трущобе?

– Настя!

– Настя!

Ольга и Маша окликают меня, а я не слышу.

– Задумалась о чем-то приятном? – спрашивает Ольга. – Или о ком-то приятном?

Намек прозрачен, но в нем не чувствуется солидарности неверной жены. Скорее – вызов супругу: я могла бы иметь (как Настя?) батальон любовников, но я верна тебе, неудачнику. В том, что она верная жена, я не сомневалась. Блудливые жены не пият мужей с утра до вечера.

– Оля? Когда, через какое время после свадьбы, ты стала смотреть на Лешу как на паровоз, способный доставить в генеральскую благодать?

– Чего-чего? – Ольга не понимает меня.

– Мы с тобой давно не виделись, когда-то ты умирала без Лешы...

– Ой, умирала! – перебивает Ольга. – Девочки, так страдала! Один раз увидела его на крыльце училища... Выходит, я два часа на улице ждала, красивый, стройный, у меня дыхание остановилась, и так по-маленькому захотелось! Испугалась! Что ж я тут обсикаюсь? По ногам потечет, все увидят: дежурный офицер и мальчики на вахте? Еле сдержалась. А потом? Стоило мочевой пузырь в узел завязывать? Посмотрите на него! Чего ты улыбаешься? Вспомнил, да? Нашел дуру, которая за тобой в огонь и в воду. Неси оливье на стол. И тарелки достань из серванта. Которые внизу, от сервиза.

– Леша, я тебе помогу, – подхватила Маша.

И не забыла полотенце – протереть тарелки, которые наверняка были пыльными.

– Настя! Ты еще моей старшей дочки не видела! – Ольга не оставляла попыток разжалобить меня.

– Да, представляю, какая *нелегкая* у тебя жизнь.

Ольга не помнит и не может помнить тот момент, когда у нее произошла переоценка ценностей. В отличие от меня и прочих личностей, подверженных анализу мотивов, задуренных психологией, Ольга живет сегодня и сейчас, на полную катушку. Если и тянет из прошлого воспоминания о чувствах и состояниях, то с единственной целью оправдать сегодняшние якобы проблемы.

Вопрос, кто из двух в семейной жизни счастливее? Первая – это я. Умная, чего лукавить, способная простить, понять, принять. И вторая – дура душой, но с фейерверком страстей, пусть негативных, которым предшествовали сверхпозитивные. Ольга мужа поедом ест, я оставляю за Борисом право губить судьбу и печень. Ольга скатилась с облаков, я передвигалась по прямой.

– Настя, эй! Это у тебя после операции? После наркоза?

– Что?

– Отключаешься все время. Ой, чего скажу! У нас тут есть один целитель! Тебе к нему надо. Не черный ворожей, а с молитвами лечит. В восьмидесяти километрах от города живет. К нему очередь! С утра машины выстраиваются.

– Ты ездила?

– Ага!

– О чем просила?

– Нельзя рассказывать, – замялась Ольга, и впервые с ее лица сошло выражение абсолютной уверенности в своей правоте. – А то не сбудется.

– Следовательно, знахарь не помог?

– Пока.

– «Пока» имеет временные ограничения? От месяца до второго пришествия?

– Всегда ты такая, себе на уме, – упрекнула Ольга, точно мы виделись каждый день и она знает меня отлично. – То молчишь как рыба, то подковыриваешь, будто вилкой колешься.

– Рыба с вилкой?

– Я ж необходимое имела в виду.

Рыба с вилкой – сюжет для вывески ресторана морской кухни. Однако я не могла не признать, что абсурдный образ имеет ко мне отношение. Кровь моя холодна, как у рыбы. В житейских морях я плаваю легко и свободно. Вилка – предмет из другого мира – также имеется. Если меня довести, способна вонзиться в горло противнику.

За ужином мы с сестрой объединили усилия, пресекая Ольгины попытки оседлать любимых коньков: трындеть про строптивую дочь и неудачника мужа. Я расспрашивала Лешу про былую службу и нынешнюю работу, но в этом доме ему рта раскрывать не позволялось. Стоило мужу начать рассказывать про гейзеры Камчатки, как встревала Ольга:

– Ты в них ошпарился. Представляете, девочки, приехал из командировки красный, как рак. Вот дурак!

Заговорил Леша о строительстве нового здания, Ольга перебила:

– Все со стройки тащат, крупно или по мелочи, один мой *честный*. – Последнее слово Ольга произнесла с удвоенной брезгливостью. – Сосед просил: утеплитель импортный достань, по магазинной цене возьму, а Лешка отказался. Трусом был, трусом и остался.

Было бы простительно и понятно, если бы Ольга, называя мужа дураком и трусом, взглядом, улыбкой, намеком давала понять, что на самом деле им гордится, критикует кокетливо, обзывает в шутку. Ничуть не бывало. Ей нравилось унижать Лешу, что и делала безо всяких намеков на женскую игру.

Когда покончили с горячим – пережаренной свининой с картофельным пюре, – мое терпение иссякло. Я расчехлила холодное оружие и нацелилась на Ольгу. Сложила приборы на тарелке, где осталась большая часть еды, вытерла губы салфеткой и заявила:

– Ребята, спасибо! Не каждое застолье, не каждый поход в гости способен поменять твои принципы.

Все посмотрели на меня удивленно, и я пояснила:

– Прежде была абсолютно убеждена, что рукоприкладство недопустимо в супружеских отношениях или просто – в общении мужчины и женщины. Если он поднял на нее руку, то она должна немедленно бросить агрессора. Послать его к черту, вызвать милицию, посадить в тюрьму – любые варианты приветствуются, кроме дальнейшего совместного существования.

– Правильно, – кивнула Маша.

– Но теперь я поменяла точку зрения.

– Почему? – спросила сестра.

– Потому что на месте Леша я давно бы наkostenяла Ольге, потому что она заслуживает быть выпоротой. За грязь, которую льет на мужа и которую развела в доме, за то, что крысится на дочерей, наверняка прекрасных девочек. Таких баб, как Ольга, надо пороть изредка, но крепко, чтобы помнили свое назначение, чтобы не мололи языком и ценили, что имеют.

Это было грубо – признаю. Если бы показали на дверь, вышвырнули вон, я поняла бы.

Но их реакция была поразительной! Леша улыбался своей детски-мудрой улыбочкой. Маша закрыла руками лицо – смеялась.

А Ольга ответила со странной тоской:

– Куда ему, олуху. Пороть! – хмыкнула она.

Будто мечтала о крепком мужском кулаке, который подсветит ей синяк под глазом или сломает ребра.

Как всякий нахал и грубиян, не получивший отпора, я распоясалась:

– Ольга, – сказала я, – деньжонок-то подкوبي, на алиментах не пошикуешь.

– Каких алиментов? – удивилась она.

– Леша тебя не сегодня-завтра бросит. Мужик красивый, сильный, умный. И зарабатывает, наверное, не гневи бога, порядочно. На кой ляд ему жена в роли бензопилы? На Лешу, определенно, уже охота объявлена. А ты в дальнейшем конкурсе не участвуешь, срезалась на первом туре.

Леша улыбался как-то по-особенному: с тайной гордостью и легким страхом. Я попала в точку? Мало того, что наболтала лишнего, так еще и накаркаю.

Но непробиваемая Ольга ничуть не насторожилась.

Махнула рукой:

– Кому он нужен.

– Кроме тебя, – уточнила Маша.

– Кроме меня, – согласилась Ольга и скорчила гримасу.

Изобразила мученицу и подвижницу, которая несет тяжкий крест.

Леша и Ольга нас провожали. Идти по тротуару в шеренгу по четыре было невозможно, поэтому мы разбились на пары. Маша с Олей что-то горячо обсуждали. Наверное, меня. Оля возмущается, Маша оправдывает мое поведение. Сестра обладает уникальной способностью позитивного сплетничания. В девяносто девяти процентах случаев у человека, с которым пять минут взахлеб общались, мы, сплетничая, выискиваем недостатки. А Маше не требуется самоутверждения за чужой счет. На критику, выпад, злою иронию у нее всегда есть пример, когда обсуждаемая персона продемонстрировала положительные качества. Маняша считает, что надо жить, опираясь на лучшее, что есть в человеке. Плохого, конечно, никто не лишен, но и ангелы среди людей не водятся. Иными словами, глупо тратить жизнь, расходуясь на негатив, когда можно наслаждаться позитивом. Это как путать сахарницу с солонкой. Пересластить не страшно, а пересолил – в рот не возьмешь. В этом Маша очень похожа на мою маму. Внешне – ни чуточки, а по характеру, настрою – один человек. Я же, обликом, – мамин слепок, но их духовная высота мне недоступна. Да, честно говоря, и не привлекает.

Мы с Лешей, убежав вперед от сестры и Ольги метров на двадцать, поболтали всласть. Причем, говорил в основном Леша. Дорассказал и про гейзеры, и про строительство уникального здания, про оригинальный метод опалубки, который предложил Алексей и его коллеги, а теперь из Москвы приехали инженеры-специалисты, мотают на ус, перенимают.

Опираясь на его руку, жилистую и мускулистую, вспоминала, как на этой руке пятнадцать лет назад висела Ольга, уместив его локоть меж двух полушарий своих некрохотных грудей. Я презирала тогда Ольгину прилипчивость, меня тошнило от их вожделения, которое наэлектризовывало воздух. Леша казался мне примитивным самцом, а Ольга – похотливой самкой. Теперь же я сама чувствовала, и не легкое сухое вино, выпитое за ужином, тому причиной, что от этого мужчины исходит настоящая сила – нежная, влекущая, надежная, головокружительная, по-настоящему сексуальная. К порывам я не склонна. Возможно, потому, что слишком мало в моей жизни было поводов для безрассудных поступков. А вот к анализу и прогнозу склонна в высшей степени. Ну, что Леша? Через две недели он мне наскучит до оскомины, потому что закончится пересказ его интересных жизненных событий, общим счетом с десятков, и начнутся повторы. Другое дело – муж Борис. Латентный алкоголик, несостоявшийся нобелевский лауреат, теоретик вне науки, он способен будоражить мой ум...

– Настена? Дрожишь, замерзла? – спросил Леша.

Мне показалось, что он захотел высвободить руку, на которую я опиралась, обнять меня за плечи, согреть. Но вовремя вспомнил, что сзади идет жена, только накрыл другой рукой и крепче прижал к себе.

– Почему ты с ней живешь? – спросила я.

Можно не удивляться моему вопросу: несколько последних часов я только и делала, что лезла в чужую жизнь.

– С этой брызжащей мымрой? – продолжала я.

– Настя, не надо! – Леша слегка нажал на мою руку. – Ольга – жена. Точка. На кого ее брошу? А девчонки? Они у меня замечательные, жалко, что ты не познакомилась. Сочувствуешь мне?

– Невольно.

– Зря.

И не поднимая лица, я знала, что он сейчас улыбается, привычно, рефлекторно, обязательно.

– Лешка, ты мне казался простым как валенок. Но сейчас я не понимаю тебя. Утаптываешься в землю под каблуком у постылой жены.

Он тихо рассмеялся:

– Настя! Ты хорошая, нормальная, теплая. А тогда, раньше, была сухой и твердой, как указка. Первая учительница в школе, – хмыкнул он, вспоминая детские страхи, – указку из рук не выпускала. Я отчаянно боялся указки, она мне казалась волшебной палочкой злой колдуньи.

– И меня тогда, пятнадцать лет назад, боялся?

– Нет. Я и помню-то тебя смутно. Только впечатление: указка, но без ядовитого наполнения. Не обижайся! – спохватился Леша.

– Кто обижается на впечатление, произведенное в прошлом столетии?

– В этом ответе – ты вся.

– То есть?

– Не могу пояснить, словарный запас не позволяет. Но вообще-то мы говорили обо мне, несчастном.

– А ты полностью благополучен? – ухмыльнулась я.

– Полностью только пациенты сумасшедшего дома счастливы, и то после лекарств. У меня все в порядке, на всех фронтах успешные наступления.

Он называет «успешным наступлением» свою вялую оборону от натиска жены?

– Лешка! – догадалась я. – У тебя есть другая женщина!

– Ничего тебе не говорил, – не без бахвальства ответил он.

– Которая боготворит тебя? Для нее ты – царь, бог и воинский начальник? Как Ольга в молодости? И давно связь? И не первая, поди?

– Много будешь знать, – его улыбка перешла в самодовольный смешок.

– Ларчик просто открывался.

– Что? – не понял Леша.

От моего минутного влечения к нему не осталось и следа. Дамский угодник! Козел на капустных грядках. Лешка, конечно, без труда находил... чего там «находил», сами в руки шли – одинокие женщины, которые влюблялись в него без памяти. А чего не влюбиться? Красивый, непьющий, мужественный и нежный одновременно – гремучая смесь для женской души. Гад и сволочь! Любовницы его, поведясь на Лешину якобы-слабость, думали, что оторвут его от семьи, получают в личное долговременное пользование. Дуры! Он к Ольге намертво приклеен. Хотя ее заслуга только в том, что первой на пути встретилась.

– Настя, какой «ларчик»? – повторил Леша.

– Который сундук с шутихами.

– Что? – снова не понял Леша.

– А тебе Ольгу не жаль? – резко спросила я.

– Только что ты называла ее мырой, – напомнил Леша.

И голосе его прорезалась досада. Половой признак: мальчики, юноши, мужчины не любят, когда им тычут в лицо справедливой критикой, когда напоминают о дурных поступках. Чтобы сносно существовать, мужчина должен внутренне уважать себя более, чем уважают его окружающие. Даже мой сын, неправильно решив уравнение, пыхтит: «Я только знак перепутал, а так – все правильно».

– Предательством смываешь унижения в семье, зализываешь раны на стороне? – спросила я, оставив без внимания Лешин упрек.

Ответа я не получила – мы подошли к Машиному дому.

Элементарная вежливость диктовала, что Ольгу и Лешу с дочерьми следовало пригласить в Москву. Девочки – пожалуйста. Но терпеть бесконечные жалобы Ольги? Или смотреть на физиономию доморощенного Казановы?

Если моя деликатность хромала, то у Ольги отсутствовала напрочь.

– Выберемся к тебе обязательно, – пообещала Ольга. – Давно я в Москве не была.

– Конечно, – без энтузиазма отозвалась я. – Показать девочкам столицу.

Мы попрощались, вошли в подъезд. Поднявшись на два этажа, в окно на лестничной площадке я увидела удаляющиеся фигуры Ольги и Лешки. Он обнимал ее за плечи, она держалась за его талию – сладкая парочка, да и только.

У Ольги мы от чая отказались, пили его с Маняшей дома. Сестра заварила какие-то травки, угощала меня чудными вареньями и желе собственного производства – из брусники, черники, голубики, костяники.

– Наверное, мама была права, – сказала я.

Маша кивнула.

– Соглашаешься, даже не зная, о чем речь, – попеняла я.

– О чем угодно. Рано или поздно ты всегда приходишь к мысли, что мама пыталась донести до тебя истину, а ты ершилась.

– Мне ужасно не хватает мамы.

– А мне тети. Что на сей раз до тебя дошло?

– Когда Ольга в первый раз к нам приехала, паразитирующая влюбленная грезитка! Мама сказала, что я ей завидую. Было обидно до слез. Тупой неряхе завидую я, вся из себя умная и правильная. А на самом деле, не отдавая себе отчет, я желала влюбиться с той же силой, что парализовала Ольгу. Страсть как безумство, помешательство, перечеркивание правил, устоев, морали – огонь души. Не случилось. Да и к лучшему. Что мы имеем на месте вулкана любви Ольги и Лешки? Не лаву застывшую – увековеченный памятник великого счастья, а зловонное болото, к которому противно приближаться.

– Преувеличиваешь. Они, слава богу, не померли на пике своей любви, чтобы остаться в вечной памяти. Ромео и Джульетта, проживи вместе десять, двадцать, тридцать лет, неизвестно, какими эпитетами обменивались бы.

– Хочешь сказать, чем выше градус любви, тем ниже и большее падение? Хотя синяков на Ольге я не заметила.

– Не слишком верь, когда Ольга клянет мужа.

– Маня, ты знаешь, что Лешка изменяет Ольге?

– Все знают.

– Даже так? – поразила я. – Выходит, Ольга поедом ест мужа, вымещая боль измены?

– Как раз Ольга в полном неведении.

– Не поверю, что не нашлось доброй, в кавычках, души, которая не посчитала бы нужным раскрыть Ольге глаза.

– Периодически пытаются раскрыть.

– И что?

– Ольга не верит. Домой придет и Лешке говорит: «Мне тут намекали, что ты с Анькой Павловой шуры-муры крутишь. Куда тебе, недотепа!»

– А он улыбается своей фирменной улыбочкой, – предположила я, – мотает головой и смотрит верным псом, хоть и беспородным, к собачьим выставкам не допущенным, зато своим и преданным.

– Примерно так. Хотя сравнение с собакой мне не очень нравится.

– Да он пес гулящий! Маня, а Ольга не придуривается? Может, это фантастическая игра на грани фолла?

– Нет, Ольга не актриса.

– Тогда она сделана из мрамора, если не сказать – железобетона. Каменная баба. И ты ее жалеешь. Вот! Поняла, почему с Ольгой дружишь. Как со слепой, милость к инвалидам.

– Заблуждаешься. Я не оказываю милость Ольге, просто дружу с ней. Каменная она? Возможно. Точило-точило море камень, а он в гальку превратился и только красивее стал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.